А 157/59
801-18/1431

О ЧУВАШАХЪ.

Этнографическій очеркъ неизвѣстнаго автора XVIII столѣтія.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

В. Магницкаго.

КАЗАНЬ.
ТИПОГРАФІЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.
1888.

Дозволено цензурою. Казань. 30 октября, 1887 г.

13385-0

2013042007

Предлагаемый очеркъ быта Чувашъ принадлежитъ неизвѣстному автору прошлаго столѣтія. Подъ заглавіемъ: „О Чувашахъ“ онъ напечатанъ въ IX, X и XI №№ журнала „Сѣверный Архивъ“, за 1827 годъ,—журнала древностей и новостей по части исторіи, статистики, путешествій, правовѣдѣнія и правовъ, издававшагося въ С-Петербургѣ Ѳаддеемъ Булгаринымъ и Николаемъ Гречемъ. Издателями Сѣвернаго Архива предпослана очерку лишь слѣдующая краткая замѣтка, въ выноскѣ къ заглавію: „Изъ рукописи, сообщенной издателямъ и писанной устарѣлымъ языкомъ, какъ писали въ началѣ семидесятыхъ годовъ. *Изд.*“

Покойный адъюнктъ-профессоръ казанскаго университета В. А. Сбоевъ объ этомъ очеркѣ сдѣлалъ слѣдующій отзывъ въ своей книгѣ: „Изслѣдованія объ инородцахъ казанской губерніи“, Казань, 1856 г., стр. 91 и 92: Это есть лучшее произведеніе изъ всего, что доселѣ писалось о Чувашахъ. Правда многіе обычаи, обряды и учрежденія, въ этой статьѣ упоминаемыя, теперь уже не существуютъ,—многія божества, о которыхъ она разсказываетъ, теперь уже забыты и некрещеными Чувашами; но тѣмъ-то въ особенности она и драгоцѣнна, что сообщаетъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о древнихъ обычаяхъ, о древней религіи этого народа. Авторъ не мимоходомъ взглянулъ на свой предметъ, какъ вышеупомянутые путешественники (см. въ названной книгѣ В. А. Сбоева) и нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей, но изучилъ его совершенно. Примѣтно, что онъ долгое время жилъ среди Чувашъ и былъ знакомъ съ ихъ языкомъ и притомъ съ ядринскимъ его нарѣчіемъ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя грамматическія особенности его чувашскихъ фразъ. Обстоятельство не совсѣмъ маловажное: нарѣчіемъ этимъ говорятъ въ уѣздахъ Ядринскомъ, Буинскомъ, Курмышскомъ и отчасти Цивильскомъ, т.-е. въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ Чуваши живутъ почти совершенно отдѣльно, не смѣшиваясь съ другими инородцами, и въ которыхъ долѣе чѣмъ въ другихъ сохранились старинные обычаи. Въ этихъ мѣстахъ не былъ ни одинъ изъ помянутыхъ нами академиковъ“....

По адресу издателей Сѣвернаго Архива, Гг. Булгарина и Греча, В. А. Сбоевъ высказалъ слѣдующіе, вполнѣ справедливые, упреки: „.... Горько сѣтуемъ на нихъ (Булгарина и Греча) *во первыхъ* за то, что они, плохо зная чувашскій языкъ, а можетъ быть (чего добраго!) и ничего въ немъ не смысля, дозволили варвару-типографщику безпощадно изуродовать самыя благозвучныя, самыя отборныя чувашскія фразы. *А во вторыхъ* за то, что они не объяснили, какимъ образомъ и отъ кого досталась имъ эта апокрифическая статья".

Помимо варвара-типографщика, и сами издатели Сѣвернаго Архива рукопись о Чувашахъ поняли не вездѣ точно. Такъ, напр., они въ перечнѣ угощеній, привозимыхъ жениховой свитой въ домъ невѣсты, „сырецъ"—мѣстное русское названіе печенья изъ творога (съ удареніемъ на на первомъ слогѣ), не отдѣлили запятой отъ слова медъ, видимо понявъ это названіе за опредѣленіе слова медъ (съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ)....

В. А. Сбоевъ считаетъ неизвѣстнаго автора статьи о чувашахъ жителемъ Ядринскаго уѣзда, мы же гадаемъ, что онъ былъ житель Буинскаго уѣзда, Симбирской губерніи. На такое предположеніе насъ наводятъ слѣдующія соображенія: 1) авторъ, въ самомъ началѣ очерка, опредѣляетъ численность Чувашъ въ одной только Симбирской губерніи, Казанскую же въ этомъ отношеніи игнорируетъ; 2) сопоставляетъ Чувашъ съ Мордвой, живущей совмѣстно съ Чувашами, если не ошибаемся, только въ Буинскомъ уѣздѣ [1]), тогда какъ казанскіе авторы обыкновенно сопоставляютъ Чувашъ съ Черемисами; 3) упоминаетъ деревню Юхму, что нынѣ село Батырево, по чувашски Юхма-пазаръ, Буинскаго уѣзда, близъ границы Цивильскаго уѣзда, въ которомъ, какъ намъ передавали, лѣтъ 20 тому назадъ поселилась среди Чувашъ и Мордва; 4) мѣсяцъ называетъ по буински „*уихъ*", а не „*ойихъ*"—по ядрински, и 5) описываетъ *хошпу* и *тохью*, которыхъ Чувашки Ядринскаго уѣзда не носятъ.

По нѣкоторымъ русскимъ фразамъ мы догадываемся, что неизвѣстный авторъ статьи о Чувашахъ былъ духовное лицо, священникъ.

[1]) Сопоставленіе Чувашъ съ Мордвой мы встрѣтили еще въ „Очеркѣ чувашской народности" священника Іоанна Архангельскаго (Самарскія Епархіальныя Вѣдомости 1886 г., №№ 13, 14 и 15). До перехода въ Самарскую епархію, авторъ очерка, сколько намъ извѣстно, служилъ въ Буинскомъ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, трудъ о. Архангельскаго обращаетъ на себя вниманіе лишь крайней оригинальностію лингвистическихъ объясненій и выводовъ. Въ этомъ отношеніи трудъ о. Архангельскаго заслуживаетъ подробной критики, въ предупрежденіе довѣрчивыхъ заимствованій его выводовъ несвѣдущими изслѣдователями.

Не маловажныя достоинства очерка Чувашъ неизвѣстнаго автора, безпощадно, по выраженію В. А. Сбоева, изуродованныя въ немъ самыя отборныя чувашскія фразы, библіографическая рѣдкость книжекъ Сѣвернаго Архива, съ статьей о Чувашахъ [2]),—все это и побудило насъ просить редакцію Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей перепечатать статью неизвѣстнаго автора о Чувашахъ въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Переписали мы статью о Чувашахъ въ томъ самомъ видѣ, какъ она напечатана въ Сѣверномъ Архивѣ: но въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, отмѣченныхъ цифрами (отмѣченныя звѣздочкой сдѣланы самимъ авторомъ), сдѣлали соотвѣтствующія поправки, дополненія и возраженія. Чувашскія фразы и отдѣльныя слова съ дословнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ, по нашей просьбѣ, вписаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ учителемъ Чувашской приготовительной школы при Казанской учительской семинаріи, Чувашиномъ Сотниковскаго прихода, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губерніи, Н. А. Александровымъ, которому и приносимъ искреннюю благодарность.

Для лицъ, незнакомыхъ съ знаками новой транскрипціи чувашскихъ словъ, считаемъ умѣстнымъ сдѣлать слѣдующія указанія. Русскія буквы: *т* (*) и *с*, съ загибомъ внизу, какъ у буквъ: *ц* и *щ* читаются—первая какъ *ч*, а въ нѣкоторыхъ словахъ—какъ татарское джимъ, вторая—какъ *сь* и—между твердыми гласными—какъ *з*; *а* и *е*, съ кавыкой на верху, соотвѣтствуютъ—первая *ъ*, а вторая *ь*. Лично мы, по непривычкѣ, не держались правилъ новой транскрипціи чувашскихъ словъ. [3]).

В. Магницкій.

Казань.
6 мая, 1887 г.

[2]) Мы розыскивали эту статью съ 60-хъ годовъ и отыскали лишь въ ноябрѣ 1886 г., въ библіотекѣ Свіяжскаго городскаго 2-хъ класснаго училища. Нуждались мы въ статьѣ о Чувашахъ особенно при составленіи нашей книги: „Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры". Казань. 1881.

(*) Впрочемъ почти во всѣхъ мѣстахъ буква т, съ загибомъ, за неимѣніемъ таковой въ типографіи, замѣнена прямо буквой ч. *Ред.*

[3]) „Букварь для Чувашъ съ присоединеніемъ русской азбуки". Изданіе четвертое. Симбирскъ. 1886 г., стр. 4 и 5.

О ЧУВАШАХЪ.

Народъ, извѣстный въ Россіи подъ именемъ Чувашъ и самъ себя называющій тѣмъ же именемъ, имѣлъ прежде свои жилища вверхъ по рѣкѣ Волгѣ и составлялъ древнихъ Болгаръ. Чуваши, бывши въ язычествѣ, занимали всю округу Казанскую и Симбирскую; когда же начали ихъ обращать въ Христіанскую вѣру, то иные изъ нихъ, не хотя вступать въ оную, перешли чрезъ Волгу на луговую сторону и поселились у Башкирцевъ и въ другихъ мѣстахъ; иные же переселились въ разныя мѣста по нагорной сторонѣ Волги и смѣшались съ Мордвою, Татарами и Черемисами (*). Однако же и теперь еще считается оныхъ въ Симбирской губерніи, пребывающихъ въ язычествѣ и крещеныхъ, живущихъ особыми деревнями и дѣйствительно платящихъ подать, до тысячи душъ.

Чуваши говорятъ языкомъ происшедшимъ отъ Сарматскаго и смѣшаннымъ съ Татарскимъ. Прежде, находившись въ идолопоклонствѣ, они вели жизнь кочевую [1]); но теперь всѣ занимаются земледѣліемъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи большая часть ихъ приняли Христіанскую вѣру и крестилась.

Этотъ народъ, *привыкши издавна жить* не въ городахъ, а *въ деревушкахъ*, и теперь старается заводить свои жилища въ лѣсахъ, при хорошей водѣ, на мѣстахъ сухихъ и ровныхъ. Они селятся очень рѣдко, чтобы имѣть во все лѣто около своихъ хижинъ зеленѣющіяся траву и деревья. Они никогда не рубятъ тѣхъ рощей, кои окружаютъ ихъ жилища и ихъ водяные источники; а язычествующіе Чуваши посвящаютъ даже такія рощи богамъ своимъ. Они почитаютъ за грѣхъ ловить соловьевъ, зябликовъ, скворцовъ и прочихъ птицъ; тѣмъ изъ нихъ, кои

(*) Росс. Исторія Татищева. Часть I, стр. 327.

[1]) Далѣе самъ авторъ говоритъ, что чуваши „*издавна* привыкли жить въ деревушкахъ“ и что христіанскую вѣру большая часть ихъ приняла лишь въ нынѣшнемъ (XVIII) столѣтіи. Увѣреніе автора, что чуваши въ идолопоклонствѣ вели жизнь кочевую, очевидно, голословно.

могутъ жить у нихъ на дворахъ, они дѣлаютъ гнѣзда. Таковая, всегдашняя весною и лѣтомъ у нихъ зелень и безпрестанное пѣніе птицъ вознаграждаютъ отчасти за прочіе недостатки въ ихъ жилищахъ.

Чуваши счисляютъ по порядку не годы, а мѣсяцы (*уихъ*) [2]). Годъ состоитъ изъ зимы и лѣта и начинается съ нашего ноября, называемаго ими *чукъ уихъ* [3]), то есть, жертвенный мѣсяцъ. Въ началѣ каждаго своего года или этого перваго мѣсяца, отъ чего происходитъ и его названіе, они посвящаютъ первый хлѣбъ и первое пиво, сдѣланныя изъ новосозрѣвшихъ зеренъ, двумъ главнымъ, обожаемымъ ими, благотворнымъ существамъ, Небесному Богу и Владычествующему надъ ними Государю [4]),—и лучшую часть изъ того приносятъ имъ въ жертву, въ знакъ благодарности за урожай хлѣба. Это жертвоприношеніе и празднество называется ими *чуклемя* [5]). Недѣля у нихъ начинается съ пятницы (*эрне конъ*) [6]), которая есть также и день ихъ отдохновенія. Среду они называютъ кровавымъ днемъ (*іонъ-конъ*) [7]).

Чуваши, вообще, лицемъ блѣдны, въ дѣлахъ не расторопны и въ образѣ жизни грубы. Они склонны къ разнымъ суевѣріямъ и многобожію; легковѣрны, предпріимчивы, но при томъ робки и смирны [8]). Главнымъ ихъ упражненіемъ бываетъ хлѣбопашество и прочія земледѣльческія работы: рукодѣлій же или ремеслъ никакихъ не имѣютъ.

Лѣтомъ, они живутъ въ шалашахъ [9]), выстроенныхъ изъ хорошаго лѣса; зимою же въ избахъ черныхъ и темныхъ, потому, что свѣтъ проходитъ въ избу только въ

---

[2]) Уйâх.

[3]) Чук уйâхé.

[4]) Мы догадываемся, что авторъ включилъ Владычествующаго (земнаго) Государя въ число боговъ по недоразумѣнію, ошибочно принявъ эпитетъ: „Султя Патша“ (вышній царь), приписываемый Чувашами Богу, за названіе земнаго Царя. См. въ Букварѣ, на 67 стр. молитву: Царю небесный.

[5]) Чуклеме (глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи).

[6]) Ерне кун.

[7]) Йун кун.

[8]) Характеристику Чувашъ авторъ дополняетъ нѣкоторыми чертами послѣ описанія пищи и въ двухъ послѣднихъ строкахъ очерка. В. М.

[9]) Или лачугахъ (лась), устраиваемыхъ во дворахъ; въ нихъ собственно Чуваши готовятъ лѣтомъ варево, обѣдаютъ и ужинаютъ, но не живутъ.

небольшую, полукруглую дыру, вырѣзанную на двери, а хотя и находятся еще два маленькія, волоковыя окна, сдѣланныя въ стѣнахъ на востокъ и сѣверъ, но отворяются весьма рѣдко; а живущіе въ отдаленіи отъ Русскихъ оконницъ не имѣютъ.

Пища у Чувашъ весьма бѣдная, состоящая болѣе въ молокѣ и свареныхъ въ водѣ маленькихъ кусочкахъ полбенаго хлѣба, которое кушанье они называютъ *яшка* [10]). Они ѣдятъ также вареную въ водѣ или вяленую рыбу, извѣстную подъ именемъ бѣшенной (*сявурнанъ-пола*) [11]). Пребывающіе изъ нихъ въ язычествѣ гнушаются свининою: это обыкновеніе они переняли отъ Татаръ. Что же случится изъ пищи получше, то Чуваши сберегаютъ или для пріѣзжающихъ къ нимъ людей, или на продажу.

Ихъ напитки состоятъ почти изъ одного только пива. Они варятъ его весьма часто, посвящая бочки съ нимъ своимъ благотворнымъ божествамъ; рѣдкій мѣсяцъ проходитъ безъ того, чтобы самый бѣдный Чувашенинъ не варилъ пива. Пріѣзжающихъ къ нимъ они угощаютъ однимъ только своимъ пивомъ. Для отмѣннаго гостя только они жарятъ въ маслѣ два или три маленькіе кусочка *ширтана* [12]), дѣлаемаго ими лѣтомъ изъ бараньяго или изъ оставшагося отъ жертвоприношенія разныхъ животныхъ жаренаго мяса, которое, изрѣзавъ и посоливъ, начиниваютъ въ бараньи кишки и коптятъ; да и тѣ два три кусочка хозяинъ съ гостями, подчуясь между собою, дѣлятъ еще частей на десять и болѣе.

Чуваши, не зная письма, не имѣютъ у себя и законовъ письменныхъ. Но законъ естественный, начертанный у каждаго въ сердцѣ, заставляетъ ихъ сожалѣть о несчастномъ, давать помощь просящему и не желать того другому, чего себѣ не желаютъ: почему они и почитаютъ за грѣхъ всякую обиду.

Они весьма добродушны и, не привыкши изъявлять свое усердіе на словахъ, оказываютъ оное на самомъ дѣлѣ: кто бы къ нимъ ни заѣхалъ, если онъ показываетъ собою видъ постояннаго и обходительнаго человѣка, всегда бываетъ ими принятъ съ радушіемъ и угощаемъ всѣмъ, что у нихъ на тотъ разъ случится. Всякаго, приходящаго къ нимъ, они привѣтствуютъ, говоря: *перне-бурнасъ* [13]),

---

[10]) Йашка.

[11]) Çарлан пулâ.

[12]) Шâрттан.

[13]) Пêрле пурâнас—вмѣстѣ жить.

то есть, мы хотимъ всегда жить съ тобою въ сообществѣ.

Чуваши весьма чувствительны и признательны къ благодѣяніямъ, имъ оказаннымъ; ибо они оказываютъ нелицемѣрные знаки своей благодарности за то, не только однимъ благодѣтелямъ своимъ, но и родственникамъ ихъ и даже черезъ долгое время послѣ смерти первыхъ [14]).

Они считаютъ своего Государя за владычествующее надъ ними и благодѣющее имъ божество [15]), и потому, для изъявленія своего истиннаго благоговѣнія къ сей, обожаемой ими, высочайшей особѣ, они посвящаютъ ей, вмѣстѣ съ богомъ вышнимъ, въ жертву первую и лучшую, по ихъ мнѣнію, пищу и питіе, приготовленныя изъ новосозрѣвшаго хлѣба, какъ о томъ было выше упомянуто; потомъ еще и въ другія времена года, они приносятъ жертвы Государю вмѣстѣ съ другими, благодѣющими имъ божествами. Они имѣютъ о сихъ божествахъ такое мнѣніе: что богъ вышній низпосылаетъ имъ дождь и изобиліе, солнце производитъ времена года и жатву, согрѣваетъ землю и раститъ плоды, а Государь даетъ имъ землю производящую имъ пищу и плоды, поля, лѣса, луга, воды и прочія выгоды, защиту, управленіе, законы и судей, коихъ они называютъ по своему *тюря* [16]), что значитъ справедливо или точно. Хотя же причина перемѣны временъ года, дѣйствія солнца, земли и прочихъ существъ превосходитъ ихъ понятіе и непостижима имъ, но они чувствуютъ и видятъ благотворность оныхъ дѣйствій: отъ солнечной теплоты созрѣваютъ ихъ плоды и жатва, происходящія и растущія на землѣ; поля, лѣса и воды доставляютъ имъ разныя свои произведенія, служащія къ пользѣ и удовольствію; они видятъ, какъ иногда хлѣбъ родится хуже тамъ, гдѣ они употребляли много трудовъ и старанія, нежели тамъ, гдѣ они старались посредственно. По симъ причинамъ, они, привыкши издавна обожать сіи непостижимыя, но облагодѣющія имъ существа, привыкли съ тѣхъ же поръ обожать и самую высочайшую особу Государя и чтить ее, вмѣстѣ съ богомъ вышнимъ и прочими подобными ихъ божествами, жертвами, какъ виновницу ихъ пропитанія, защиты и прочихъ благъ.

---

[14]) О душевныхъ качествахъ чувашъ авторъ, какъ мы уже замѣтили, говорилъ ранѣе и скажетъ еще въ концѣ очерка.

[15]) См. 4-ю выноску.

[16]) Туре—судья (отъ турѣ—прямой); употребляется только у низовыхъ чувашъ, между прочимъ въ уѣздахъ: Буинскомъ—Симбирской губерніи, Тетюшскомъ, Спасскомъ и Чистопольскомъ—Казанской.

Они довольно пристрастны къ звѣриной ловлѣ, для чего употребляютъ нынѣ болѣе винтовки, нежели лукъ и стрѣлы [17]).

Мужчины надѣваютъ, зимою, сверхъ шубы кафтанъ, сдѣланный изъ простаго сукна своей работы, лѣтомъ же, носятъ холстинное платье, вышитое крашеными шерстяными нитками, и на коемъ нашиты въ разныхъ мѣстахъ красные, китайчатые и кумачные лоскутки. Прочее же ихъ платье, какъ-то: обувь, чулки, онучи, охабни, шляпы и шапки, сходно съ таковымъ же, употребляемымъ Русскими мужиками.

Одежда женщинъ, нижнее платье и рубахи, разнится только тѣмъ, что на дѣвкахъ она бываетъ хуже, нежели на замужнихъ. Верхняя рубаха, называемая *саррою* [18]), служитъ имъ обыкновенною и общею лѣтнею одеждою; онѣ прижимаютъ ее къ тѣлу своему поясомъ, котораго концы оставляютъ висящими. Зимою, замужнія надѣваютъ на себя, сверхъ рубахъ, почти также сдѣланныя шубы или суконныя разноцвѣтныя охабни, а лѣтомъ—особое платье, называемое у нихъ *шобуръ* [19]), которое бываетъ бѣлое, холстинное, вышитое и обложенное кружевомъ. Шапка у замужнихъ, называемая *хушпу* [20]), бываетъ вся покрыта корольками, поддѣльными червонцами, бисеромъ и мелкими серебряными монетами, на подобіе чешуи расположенными. Точно также бываетъ украшена нижняя половина долгаго хвоста, проведеннаго отъ шапки подъ поясъ. Подъ шапкою, онѣ носятъ бѣлую, вышитую и по краямъ унизанную корольками фату, которою невѣсты завѣшиваютъ свое лице, какъ бы покрываломъ (*юрганчикъ*) [21]); у замужнихъ же оба конца оной висятъ просто на груди, и не рѣдко бываютъ украшены кисточками и бахромками. Волосы свои заплетаютъ онѣ въ двѣ косы и прячутъ ихъ подъ рубаху. Иногда онѣ перевѣшиваютъ черезъ лѣвое плечо ремень, на подобіе перевязи, бывающій шириною въ ладонь и весь покрытый серебряными монетами, корольками, бисеромъ, змѣиными головками и поддѣльными червонцами (*теветь*) [22]). У дѣвокъ шапки

---

[17]) О занятіяхъ чувашъ авторъ говорилъ ранѣе.

[18]) Сара (сар)—такъ называется нарядъ, привѣшиваемый на поясъ съ боковъ, верхняя же рубашка у чувашъ называется *кипже*

[19]) Шупар.

[20]) Хушпу.

[21]) Пуркенчѣк.

[22]) Тевет.

бываютъ къ верху остроконечныя, также унизанныя бисеромъ и серебряными монетами (*тухъя*) [23].

Когда чуваши сядутъ за столъ, обѣдать или ужинать, то прежде, нежели начнутъ ѣсть, говорятъ молитву: ***исмилля Беръ терли, аслы торъ амъ Брахъ*** [24], то есть: благослови, одноличный боже, и не оставь, главнѣйшій боже. По окончаніи же стола, говорятъ: „***тавда пось торра падша пюлее*** [25]) то есть, благодарю васъ: тебя, вышній боже, тебя, царь и тебя пюлюгсе". Если которые гости сидятъ отъ стола далеко, тѣхъ они подчуютъ ложками. Вмѣсто кроватей служатъ имъ широкія полати, также какъ и Татарамъ гдѣ не очень бѣдные изъ Чувашъ спятъ на перинахъ.

Когда случатся у кого нибудь родины, то бабка беретъ два сырыя яйца и разбиваетъ ихъ лутошкой (*) надъ головою новорожденнаго, приговаривая: «***сирлахъ***» [26]), то есть, помилуй; еще она отрываетъ куриць голову и выбрасываетъ ее вмѣстѣ съ разбитыми яицами за ворота (**). Въ это же время, она относитъ въ ***кереметь*** [27]) (моленное мѣсто) ***ирзаму*** [28]), называемому ***мамаля*** [29]), деньги. Потомъ посѣщаютъ родильницу пріятели и подруги; пьютъ пиво и дарятъ новорожденнаго деньгами, кидая въ стаканъ по нѣсколько копѣекъ. Напослѣдокъ приходитъ

[23]) Тухйа.

[24]) Есмелле (семелле)! Пер тёрли аслâ Турâ ан пâрах—Господи благослов! (Во имя Бога)! Одноипостасный великій Боже, не оставь!

[25]) Тавта пусь Турра-патша пулейе—Благодареніе Богу—Царю подателю. (Пулейе отъ пурме—дарить).

(*) Сырая липовая палочка.

[26]) Сырлах—помилуй!

(**) Чуваши вѣрятъ, что разбитіемъ яицъ и оторваніемъ куриць головы они удовлетворяютъ нечистаго духа, такъ что онъ, принявъ отъ нихъ сію жертву, оставляетъ безъ вреда человѣка. Почему они и при рожденіи надъ младенцемъ, и при бракосочетаніи надъ невѣстою, и по кончинѣ надъ умершимъ, всегда разбиваютъ лутошкой сырыя яица.

[27]) Киреметью называютъ чуваши во 1-хъ—болѣзнетворныхъ духовъ, которыхъ они олицетворяютъ въ образѣ разныхъ умершихъ лицъ, въ томъ числѣ магометанскихъ и христіанскихъ святыхъ,—послѣднихъ по изображеніямъ на иконахъ, и во 2-хъ *урочища*, гдѣ для умилостивленія духовъ—киреметей оставляются жертвы.

[28]) Ырâсем или ыррисем. Первое слово означаетъ: добрые, а второе—блага, даянія, приношенія. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно будетъ, что авторъ слово ирзамъ (ира-замъ—добрые) принимаетъ за собственное имя; но придаетъ ему разныя значенія. Такъ въ данномъ мѣстѣ объ ирзамъ онъ говоритъ: Въ это же время она (бабка относитъ въ „*кереметь*" (моленьное мѣсто) деньги „*ирзаму*", называемому „*мамаля*"?! Передъ перечнемъ ирзамовъ, въ отдѣлѣ о божествахъ, онъ говоритъ: „они (чуваши) называютъ по своему этихъ духовъ: *кереметь* или *ирзамъ*"; а въ концѣ перечня: чуваши, живущіе при рѣкѣ Волгѣ, обожаютъ сію рѣку и, сверхъ обыкновеннаго на ихъ языкѣ названія рѣки „*Адалъ*", называютъ ее „Адалъ зинзя ирзамъ", что въ дѣйствительности значитъ: на Волгѣ добрые.

юмся [30]) (*), которую родильница съ своими домашними и гостями принимаютъ съ великимъ почтеніемъ, и всѣ единогласно просятъ ее, чтобъ она нарекла младенцу счастливое имя. По просьбѣ ихъ, юмся беретъ въ руку ковшъ съ водою и, прошептавъ надъ нимъ нѣсколько словъ, даетъ пить изъ него родильницѣ и младенцу. Послѣ сего, притворясь будто бы находится въ восторгѣ, выдумываетъ между тѣмъ имя, потомъ объявляетъ, что, получивъ, вдохновеніемъ боговъ, счастливое имя, даритъ оное новорожденному.

Кто изъ Чувашъ вздумаетъ жениться, тотъ посылаетъ свата, которымъ обыкновенно бываетъ жениховъ отецъ, или дядя, или старшій братъ, торговать дѣвку. Обыкновенная цѣна у нихъ невѣстамъ простирается отъ двадцати до пятидесяти рублей; иные достаютъ себѣ женъ за пять и десять рублей; напротивъ, богатые платятъ за невѣсту отъ восмидесяти до ста рублей. Сія плата за невѣсту называется ***калымъ*** [31]). Невѣстино приданое, состоящее въ дворовомъ скотѣ, домашнихъ приборахъ и платьѣ, бываетъ иногда равное, а иногда и превосходящее калымъ, за нее данный. Торгъ объ невѣстѣ называется у нихъ сватовствомъ (*хода*) [32]).

По заключеніи сего торга или ходы, бываетъ еще особый поѣздъ отъ жениха къ невѣстѣ съ дарами, называемый у нихъ ***хубарду чуклесь*** [33]). Для сего въ вечеру, наканунѣ дня этого поѣзда, жениховъ отецъ собираетъ къ себѣ своихъ родственниковъ или знакомыхъ, чтобы выбрать изъ нихъ нѣкоторыхъ для составленія сего поѣзда, что и дѣлается нижеслѣдующимъ образомъ. Когда приглашенные сберутся, женихъ, выйдя изъ бани, приноситъ пива: а нарочно выбранный ***крюгасси*** [34]) (**) наливаетъ изъ сего пива по стакану жениху и отцу его; и когда сіи станутъ пиво пить, то встаютъ всѣ и самъ

[28]) Мамалле. Значеніе этого слова до сихъ поръ не выяснено.

[30]) Йумâç (йумâçа).

(*) Юмси у Чувашъ бываютъ мужчины и женщины: они извѣщаютъ людей о принесеніи жертвъ по велѣнію и волѣ боговъ, говоря, что такой-то богъ, явясь имъ во снѣ, приказалъ принести себѣ въ жертву на такомъ-то *мѣстѣ такого-то* животнаго; *или* на вопросъ Чувашенина сказываетъ, смотря на брошенную въ воду мѣдную копѣйку, какая жертва которому *богу угодна*; они же исповѣдуютъ Чувашъ предъ смертію, и больной всенародно кается имъ въ грѣхахъ своихъ; они даютъ младенцамъ имена при рожденіи.

[31]) Хулâм (калâм).

[32]) Хâта—сватъ.

[33]) Хâпарту чуклес.

[34]) Кêрекесь (кêрекери). (*) Должность его наливать пиво въ стаканы и приказывать другимъ подносить это пиво прочимъ гостямъ.

крюгасси. Послѣ сего, крюгасси наливаетъ уже сидя, а отецъ жениховъ подноситъ налитой стаканъ тому, кого захочетъ избрать жениху въ дружки, при чемъ всѣ встаютъ, кромѣ крюгасси, и кланяются тому гостю, чтобы онъ принялъ возлагаемую на него должность. Потомъ, сей нововступившій дружка выбираетъ себѣ поддружья, котораго должность состоитъ въ томъ, чтобы находиться безотлучно при женихѣ и дружкѣ и носить на себѣ сшитыя изъ необдѣланной лошадиной кожи большія, висящія до полу сумы, наполненныя разнымъ харчемъ. Послѣ сего выбираютъ такимъ же образомъ еще мущинъ и женщинъ въ разныя должности для поѣзда, и всѣмъ выбраннымъ даютъ первыя мѣста. По окончаніи выбора, дружка подноситъ всѣмъ гостямъ, начиная отъ дверей, мущинамъ и женщинамъ, пиво и говоритъ имъ, чтобы они дополнили жениховъ калымъ; при чемъ поддружье, имѣя наплечахъ своихъ длинныя сумы, кланяется, а женихъ, нагнувшись носитъ *чирясъ* [35]) (*) съ пивомъ, въ который гости кладутъ, по возможности своей, мѣдныя деньги. Поднеся всѣмъ, начинаютъ ужинать, и по окончаніи стола расходятся. По наступленіи дня, отецъ жениховъ отправляетъ этотъ поѣздъ съ дарами.

Сватъ, сосватавшій невѣсту, пріѣхавъ съ женихомъ, свахой и всѣмъ поѣздомъ въ домъ къ невѣстину отцу, привозитъ съ собою множество печеныхъ безъ соли хлѣбцевъ, называемыхъ *хубарду* [36]), бочку пива, медъ сырецъ [37]) и въ задатокъ калыма деньги, и вноситъ все оное въ избу. Потомъ, для большаго въ женитьбѣ счастія, выходятъ изъ избы по три раза приносить жертву: во-первыхъ хлѣбомъ вышнему богу, пюлюгсѣ, и главному, среднему и малому кереметямъ; во-вторыхъ медомъ сырцемъ—имъ же; и въ третьихъ—имъ же пивомъ. По входѣ въ гостиную избу, зять съ дружкою и поддружьемъ обходятъ оную вокругъ по солнцу три раза; обойдя, кланяются сперва невѣстину отцу, потомъ сродникамъ и напослѣдокъ гостямъ. Послѣ чего дружка подноситъ. Сватъ платитъ невѣстину отцу часть договорныхъ денегъ. Всѣ ѣдятъ, пьютъ, веселятся и напослѣдокъ назначаютъ день свадьбы.

Если же въ деревнѣ невѣсты живетъ женихов родственникъ, то сватъ и ему привозитъ въ подарокъ подобные хлѣбцы, прося его, чтобы онъ, для угощенія поѣзда жениха и невѣсты, къ свадьбѣ приготовился; за что обѣщаетъ со стороны невѣсты въ подарокъ ему рубашку, а женѣ его на рубашку же шитое оплечье, называемое *сыбакъ лакибя* [38]), и нѣкоторый головной уборъ, вынизанный бисеромъ или вышитый шелкомъ (*масмакъ*) [39]). Онъ увѣдомляетъ сего родственника, кто хочетъ быть невѣстинымъ, сверхъ ея роднаго отца,—посаженымъ (*хыимъ атлыхъ*) [40]). Сватъ даритъ хлѣбомъ также и тѣхъ деревенскихъ жителей, мимо коихъ надобно жениху съ поѣздомъ проѣзжать къ невѣстѣ и оттуда обратно домой; почему эти приготовляютъ также у себя обѣды.

Въ назначенный день свадьбы, если деревня невѣстина находится близко, то около вечера, а если далеко, то тотчасъ послѣ полудня, поѣзжане собираются къ поѣзду: чтобы отличить себя отъ прочихъ на свадьбѣ гостей, они одѣваются въ лучшее платье; навязываютъ себѣ на шеи бѣлые, вышитые по краямъ и съ бахромою платки; за кушаки затыкаютъ одни бѣлые платки, распустивъ ихъ по обѣ стороны; въ шапкахъ, съ плетями въ рукахъ; а у которыхъ есть верховая лошадь, тѣ надѣваютъ на себя сабли, берутъ ружья, луки и колчаны со стрѣлами. Приготовясь такимъ образомъ, пріѣзжаютъ они къ женихову дому и, объѣхавъ его кругомъ по солнцу три раза, становятся противу дверей онаго и кричатъ, спрашивая какъ бы у незнакомыхъ: „въ чемъ они упражняются: ѣдятъ или пьютъ, и знаютъ ли, что у такова-то Чувашенина, называя по имени женихова отца, есть свадьба, и онъ зоветъ ли ихъ въ гости?“ По окончаніи сихъ вопросовъ, женихъ съ отцемъ выходятъ изъ избы, имѣя въ рукахъ по ковшу пива, встрѣчаютъ прибывшихъ и говорятъ, что у нихъ есть свадьба, и они къ себѣ ихъ просятъ. Введя къ себѣ ихъ въ домъ, отецъ жениховъ сажаетъ поѣзжанъ за столъ, а дружку и поддружья съ женихомъ за занавѣсъ, приготовленный у дверей. Тогда они одѣваютъ жениха въ лучшее платье и прикрѣпляютъ ему къ мизинцу у правой руки бѣлый платокъ, убранный шитьемъ, шелкомъ и бахромою [41]). Отецъ съ матерью садятся за столъ; крюгасси наливаетъ имъ два стакана пива и ставитъ предъ ними. Въ это время начинается

[35]) Чѣрес (*) Чирясъ — липовая кадочка, сдѣланная изъ дупла, употребляется для ношенія пива.
[36]) Хăпарту.
[37]) Сырецъ—сыръ, по чувашски *чыыт*.

[38]) Сыпăкла кĕпе (парне кĕпи)—наставная (съ наставкой) рубашка.
[39]) Масмак.
[40]) Хăйматлăх.
[41]) Такіе платки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называются „*сюлыхъ*“ и представляютъ замѣчательные образцы чувашскихъ вышивокъ. Въ Казанской губерніи они теперь не употребляются, но сохраняются, какъ памятники старины.

музыка; а дружка, поддружье, женихъ и поѣзжане, держа лѣвыми руками другъ друга за кушаки, правыми же показывая плети, а поддружье свои сумы, пляшутъ подъ музыку всѣ, кромѣ жениха. Сдѣлавши же своею пляскою кругъ противъ солнца, поѣзжане подходятъ къ отцу и матери жениховымъ и наклоняютъ предъ ними свои головы; а дружка спрашиваетъ громко отца съ матерью, въ чемъ они упражняются, ѣдятъ или пьютъ; потомъ, сказывая имъ о себѣ, что они намѣрены ѣхать въ такую-то деревню, къ такому-то Чувашенину и взять у него дочь, называя при семъ невѣстину деревню, невѣсту и ея отца именами, спрашиваетъ ихъ, даютъ ли они имъ на то позволеніе. Это дѣлается, при играніи музыки, трекратно. Послѣ чего отецъ и мать жениховы даютъ имъ это позволеніе и выпиваютъ поставленные предъ ними стаканы. Потомъ, поднеся пива дружкѣ и поддружью и препоруча имъ остальныя деньги калыма, отпускаютъ жениха съ поѣздомъ, который, объѣхавъ троекратно вокругъ дома и выпаливъ три раза изъ ружей, отъѣзжаетъ при играніи музыки.

Пріѣхавши въ невѣстину деревню, становятся въ домѣ невѣстина посаженаго отца. Женихъ посылаетъ съ дружкою къ невѣстѣ *чирясъ* [42]) своего пива; а тамъ, принявъ это, дарятъ дружку отъ невѣсты рубашкою, которую тутъ же, при собраніи гостей, женщины, скинувъ съ него платье, надѣваютъ на него сверхъ его рубашки. При семъ, дружка спрашиваетъ невѣстина отца, угодно ли ему, чтобы женихъ и съ поѣздомъ къ нему пріѣхалъ. Получа на это позволеніе, дружка возвращается къ жениху съ симъ извѣстіемъ и, показывая ему и всѣмъ поѣзжанамъ невѣстинъ подарокъ, пляшетъ при играніи музыки. Между тѣмъ, вводятъ невѣсту въ избу, въ которой должно принять жениха съ поѣздомъ, и, занавѣся ей лице фатою, унизанною корольками, сажаютъ за занавѣсъ противъ печи (*). Отецъ съ матерью садятся за столъ. Тогда, за занавѣсомъ у невѣсты играетъ музыка, а дѣвки поютъ предъ нею пѣсни и пляшутъ.

Женихъ съ поѣздомъ въѣзжаетъ къ невѣстѣ на дворъ. Въ избу первый входитъ дружка и, коснувшись пальцемъ грязнаго пола, прикасается онымъ же къ своему лбу, въ знакъ отмѣннаго почтенія къ невѣстину отцу и всему его дому, отдаетъ ему послѣднія деньги калыма, и кладетъ

[42]) Чѣрес.

*) Мѣсто противъ печи считается у Чувашъ почтеннѣе другихъ: обыкновенно, на него сажаютъ они отмѣннаго и именитаго гостя.

на брусъ, гдѣ сидитъ невѣста, завязанныя въ платкѣ пятнадцать копѣекъ, посвященныя большому кереметю. Послѣ чего, невѣстины сродники уходятъ встрѣчать съ ковшами пива жениха съ его поѣздомъ и находящеюся при нихъ музыкою. Женихъ входитъ съ прочими при играніи музыки и, переступя черезъ порогъ, дѣлаетъ своему будущему тестю такой же знакъ почтенія, какой дѣлалъ дружка. Въ это время, сидя за столомъ въ переднемъ углу, отецъ считаетъ деньги калыма. По сочтеніи ихъ, онъ встаетъ съ своего мѣста, привѣтствуетъ жениха, поѣзжанъ и дружку, имѣющихъ на головахъ своихъ шапки, а на рукахъ плети; самъ подноситъ имъ; сажаетъ поѣзжанъ въ передній уголъ, а жениха и поддружья съ его длинными сумами, за занавѣсъ къ дверямъ. Потомъ ставятъ три стола, поѣзду, жениху и невѣстѣ, и садятся обѣдать. Въ обѣдъ, объ музыки играютъ. Черезъ нѣсколько времени, дружка подноситъ невѣстѣ ковшъ пива, съ опущенными туда женихомъ мѣдными деньгами, которыя она беретъ, выпивши сперва съ дѣвками пиво. Въ обмѣнъ этого высылаетъ она въ подарокъ жениху рубашку, которую надѣваетъ на него при всѣхъ, какъ надѣвали на дружку; при чемъ мѣняютъ до трехъ разъ невѣстинъ и жениховъ платки, прикрѣпленные къ ихъ рукамъ. Потомъ выносятъ на блюдахъ рубашки и платки, дарятъ ими поѣзжанъ и тутъ же надѣваютъ на каждаго, мужчину и женщину, подаренныя рубашки. По окончаніи стола, пьютъ и пляшутъ, какъ поѣзжане съ плетями на рукахъ, такъ и поддружье съ своими долгими сумами. Такимъ образомъ женихъ, не видавъ своей невѣсты ни прежде, ни въ это время, гоститъ уже и съ поѣздомъ сутки двое и болѣе безотлучно. Въ теченіе онаго времени, денно и ночно объ музыки поперемѣнно играютъ, а молодые мужчины съ замужними и дѣвки по-парно пляшутъ.

Напослѣдокъ, входитъ невѣста изъ-за занавѣса, закрытая сверхъ фаты еще большимъ покрываломъ и сопровождаемая свахою и сродницами, падаетъ къ ногамъ своего отца и матери и, съ плачемъ, сожалѣя о разлукѣ, прощается съ ними. При семъ отецъ даритъ ее деньгами и, пожелавъ ей счастливой жизни, отпускаетъ со свахою и своими сродниками; а они, при играніи музыки, относятъ ее на рукахъ до приготовленной кибитки, покрытой холстомъ и запряженной парою лошадей, и сажаютъ туда вмѣстѣ со свахою. Поѣзжане садятся на лошадей, объѣзжаютъ троекратно вокругъ дома и, выпаливъ изъ ружей,

отъѣзжаютъ къ невѣстину посаженому отцу. У него, у всѣхъ деревенскихъ жителей и на прочихъ перепутьяхъ въ деревняхъ, они пьютъ столь усердно, что не только ихъ платье, но и всѣ полы въ тѣхъ избахъ бываютъ улиты пивомъ. По отъѣздѣ съ двора свадьбы, отецъ невѣстинъ развязываетъ платокъ съ деньгами, принесенный дружкою и беретъ изъ нихъ одну копѣйку себѣ, остальныя же относитъ въ большой кереметь въ жертву *Мамаль* [43]). Онѣ хранятся тамъ до тѣхъ поръ, покуда скопится ихъ достаточное количество на покупку овцы и пуда меду; тогда, купивъ оное, отдаютъ жрецу, а онъ приноситъ его въ жертву.

По прибытіи съ невѣстою, свахою и родственниками къ женихову отцу, поѣздъ останавливается у воротъ, при играніи музыки. Въ это время, дружка разбиваетъ надъ головою невѣсты, лутошкою, сырыя яйца, а съ жениховой стороны, сваха отрываетъ куриць голову и бросаетъ за ворота. Поѣздъ же стоитъ за воротами до тѣхъ поръ покуда жениховы отецъ и мать не подарятъ невѣстѣ корову, которую отдаютъ на веревкѣ, въ руки самой невѣстѣ. Въѣхавши на дворъ, вносятъ на рукахъ невѣсту, въ сопровожденіи свахи и поѣзжанъ, въ избу, и сажаютъ противъ печи; а жениха отводятъ въ клѣть. Потомъ обѣдаютъ. По окончаніи стола, сродники вводятъ, при играніи музыки, невѣсту къ жениху и сажаютъ ихъ на постелю рядомъ: тогда начинаютъ играть уже обѣ музыки. Тутъ снимаютъ съ рукъ жениха и невѣсты перстни и завѣщеваютъ обоимъ сочетавающимся сохранять одинъ къ другому вѣрность до конца жизни; жениху звать невѣстиныхъ отца и мать не именами ихъ, а тестемъ и тещей; невѣстѣ же родителей жениховыхъ—свекромъ и свекровью.

При семъ женихъ увидитъ невѣсту въ первый разъ, и узнаетъ, съ кѣмъ опредѣлено ему препровождать жизнь. Когда станутъ молодыхъ раздѣвать, то невѣста должна скинуть съ жениха сапоги, въ кои онъ кладетъ тогда нѣсколько денегъ. Невѣста, скинувши сапоги, беретъ тѣ деньги себѣ. Послѣ сего всѣ выходятъ вонъ, оставивъ молодыхъ на-единѣ. На другой день, прежде всѣхъ, входятъ къ молодымъ жениховы отецъ и мать, пожелать имъ благополучнаго утра. Если же, къ несчастію, они найдутъ молодую не таковою, какъ объ ней думали, то въ то же

[43]) Мамалле.

время прорѣзываютъ, сзади, на исподнемъ платьѣ свахи круглую, большую дыру (это платье носятъ замужнія чувашенки на ногахъ, какъ и ихъ мужчины); а у сродниковъ молодой перерубаютъ всѣ гужи у лошадиной запряжки, а у телѣгъ тяжи и оглобли.

По общему обыкновенію Чуваш поступать такъ со всякою молодою, вводятъ ее съ молодымъ въ избу, ставятъ спинами къ печи и, накрывъ ихъ епанчею, плещутъ на нихъ *яшкою* [44]). По снятіи епанчи, молодой подноситъ пиво, а на его мѣсто становятся, по обѣ стороны молодой, двѣ сродницы. Тогда, при играніи музыки, пляшетъ мальчикъ, имѣющій у себя въ рукахъ тройныя вилки, на концахъ коихъ воткнуты пять кусочковъ яшки; онъ подходитъ къ молодой, и снявъ вилками съ головы ея тюрюкъ, сдѣланный изъ рѣдкаго холста, поспѣшно убѣгаетъ въ клѣть, гдѣ бросаетъ его въ муку, лежащую въ сусѣкѣ.

Послѣ сего, надѣваютъ на молодую шапку и, пока молодой подноситъ, учатъ ее становиться на колѣни, преклоняясь три раза. Между тѣмъ неисправная молодая попадаетъ еще подъ наказаніе. Жениховъ прислужникъ подаетъ старшему изъ невѣстина поѣзда стаканъ съ пивомъ, зажимая пальцемъ дырочку, нарочно сдѣланную на днѣ сего стакана; но какъ скоро гость возьметъ его въ свои руки, то напитокъ тотчасъ начинаетъ изъ него течь: что производитъ въ гостяхъ великій смѣхъ, а молодую приводитъ въ стыдъ.

На другой день, веселье бываетъ больше, нежели наканунѣ. Иногда, крещеные вѣнчаются въ церкви, спустя уже долгое время. Иногда ставятъ въ это время на столъ блюдо съ хлѣбомъ, въ который воткнута стрѣла: тутъ, кто изъ гостей захочетъ, тотъ кладетъ нѣсколько копѣекъ, молодымъ на раззаводъ. Послѣ сего пріѣзжаютъ къ молодымъ въ гости отецъ съ матерью молодой. Это свадебное пиршество продолжается до тѣхъ поръ, какъ хозяйка дому, вынеся на блюдѣ гвоздь, вынутый изъ бочки, и поставя на столъ, объявитъ гостямъ, что они выпили уже все пиво, такъ, что подчивать ихъ болѣе нечѣмъ: послѣ сего, гости возвращаются къ себѣ домой.

Мужъ имѣетъ у нихъ полную власть, а жена должна повиноваться ему во всемъ, безъ всякаго пререкословія. Отъ сего не бываетъ у нихъ почти никакихъ семейственныхъ ссоръ. Но ежели мужъ будетъ весьма недоволенъ

[44]) Йашка.

своею женою, то разрываетъ ея покрывало (*сорбанъ*) [45]: это значитъ, что супружескій союзъ между ими уничтожается. Подобнымъ же образомъ разводятся съ своими женами и другіе народы, Мордва и проч., придерживающіеся языческаго суевѣрія; однако же таковые случаи бываютъ рѣдко.

Когда кто нибудь изъ Чувашъ жестоко занеможетъ и отъ усилившейся болѣзни начнетъ приближаться къ смерти, тогда всѣ Юмси бываютъ къ нему призываемы, и онъ кается имъ всенародно въ грѣхахъ своихъ. При семъ онъ завѣщаваетъ своей семьѣ и родственникамъ, какою именно скотиною и въ какія времена желаетъ онъ, чтобы его поминали по смерти. Какъ же скоро больной умретъ, то одна изъ домашнихъ женщинъ разбиваетъ надъ нимъ лутошкою яица и выкидываетъ ихъ за ворота. Потомъ перевиваетъ ему пальцы правой руки разными шелками и тѣмъ же затыкаетъ ему ноздри, ротъ, глаза и уши, въ знакъ того, что онъ, не бывши просвѣщенъ познаніемъ о Божествѣ, законѣ и природѣ, былъ человѣкъ темный и не высокаго понятія: его руки не осязали, ноздри не обоняли, устами не говорилъ, глаза не видали и уши не слыхали всего того, что видѣть и слышать можетъ человѣкъ просвѣщенный; слѣдовательно, умершій будетъ довольствоваться и по смерти тѣмъ же, чѣмъ былъ здѣсь доволенъ. Напослѣдокъ одѣваютъ тѣло въ лучшее платье, руки перевязываютъ поперегъ кушакомъ и надѣваютъ на нихъ рукавицы, а на голову шапку, и такъ выносятъ его изъ дому. Тогда домашніе, бросая, въ слѣдъ за тѣломъ, зажженныя тряпички, приговариваютъ: пусть душа покойнаго пойдетъ къ небесамъ, вмѣстѣ съ дымомъ оныхъ.

Принеся къ могилѣ, опускаютъ въ нее тѣло и укладываютъ его тамъ между четырьмя досками. Потомъ прощаются съ покойникомъ и приказываютъ ему поклониться прежде умершимъ своимъ родственникамъ. Въ могилу къ нему кладутъ, какъ для него, такъ и въ гостинцы прежде умершимъ, сыръ, деньги и пресный хлѣбъ: деньги на торговлю, а хлѣбъ для пропитанія; а чтобы и въ царствѣ мертвыхъ онъ занимался работою, то опускаютъ въ могилу еще ножикъ и орудіе для плетенія лаптей; на могилу кладутъ блинъ и кусокъ вареной курицы, и при всемъ ономъ приговариваютъ: „это тебѣ пригодится (*тибя батырь умунчъ Болдыръ*“) [46]). Остатки съѣстнаго прибираютъ провожатые, и думаютъ, что ѣли съ мертвецемъ. Одежду же, въ которой онъ умеръ, на чемъ лежалъ, изъ чего омывали его тѣло,—все бросаютъ на дорогу. Еще вывозятъ и оставляютъ на могилѣ покойнаго телѣгу, сани, хомутъ, со всею упряжью, и топоръ, а если умершій былъ плотникъ, то и весь прочій его инструментъ. Иногда, по завѣщанію умершаго, ставятъ на его могилу лачугу, въ которой оставляютъ привязанную лошадь, пока она умретъ съ голоду; они думаютъ, что умершій на ней ѣздитъ. На этой же могилѣ ставятъ столбъ, вышиною въ ростъ человѣка, и дѣлаютъ на столбѣ, отступя отъ верху его на четверть, продолговатую желобину до самой могилы. Иные же кладутъ на могилахъ камни и, во время поминовенія, ставятъ на нихъ зажженныя свѣчки; на сихъ камняхъ они изсѣкаютъ нѣкоторые знаки, называемое ими *тура* [47]), означающіе какъ умершаго, такъ и его родственниковъ, чтобы ихъ потомки могли знать, кто такой и чей родственникъ схороненъ (*). Также оставляютъ умершему въ полѣ по части всякаго несжатаго хлѣба и серпъ, чтобы онъ сжалъ то на свою долю, и болѣе отъ нихъ не требовалъ.

Поминки у Чувашъ бываютъ двоякія: однѣ дѣлаются дома только семействомъ умершаго, другія производятся всѣмъ народомъ. Также они поминаютъ вновь умершаго сродника особо отъ своихъ давно умершихъ родственниковъ. По новоумершемъ первыя поминки бываютъ у нихъ по погребеніи, въ тотъ же день; вторыя—въ третій день, отъ однихъ только домашнихъ; третьи—въ седьмой; четвертыя—въ послѣднихъ числахъ Ноября; и пятыя—въ семикъ, отъ собраннаго народа. По родственникахъ давно умершихъ, первыя, малыя поминки, отправляются въ четвертокъ на Страстной недѣлѣ и въ недѣлю Святой Пасхи, одними домашними, и родственниками; вторыя, средвія,—въ семикъ, когда собравшійся народъ поминаетъ на могилахъ прежде умершихъ родственниковъ, вмѣстѣ съ новоумершими, и третьи—въ исходѣ Ноября, также дома, и одними только домашними.

По погребеніи умершаго, оставшіеся его домашніе и

[45]) Сурпан.

[46]) Чёпё (?) патáмáр; уманче пултар!—Курицу дали; передъ нимъ (въ его пользу) пусть будетъ!

[47]) Тура?

*) Чуваши хоронятъ своихъ умершихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревень, при рощахъ. На могилы ихъ ставятъ небольшія кадочки, вѣшаютъ на сошкахъ полотенца, и кладутъ другія разныя мелочи.

родственники, возвратясь съ могилы, моются и потомъ подвеселяютъ себя пивомъ. Въ третій день по погребеніи и также въ четвертокъ каждой недѣли, въ вечеру, варятъ курицу, отъ коей, отщипнувъ по части на каждаго человѣка изъ семейства, кладутъ всѣ куски въ чашку, наливаютъ въ ведро столько же ложекъ ячной воды, и все это, вынеся на дворъ, выбрасываютъ собакамъ. Пока собаки ѣдятъ и дерутся, Чуваши, кланяясь на полночь (на сѣверъ), воютъ изъ всѣхъ силъ; потомъ возвращаются въ избу и доѣдаютъ остатки. Этотъ обрядъ дѣлаютъ они для того, чтбы плачь ихъ, соединясь съ собачьимъ визгомъ, былъ громче и могъ, проникнувъ небо [48]), дойти до ушей умершаго, чтобы сей послѣдній могъ видѣть, съ высоты своей, съ какимъ усердіемъ и сожалѣніемъ они его поминаютъ. Въ седьмой день по кончинѣ умершаго, закалываютъ овцу и приготовляютъ пиво; потомъ сзываютъ родственниковъ, которые, поминая умершаго, ѣдятъ и пьютъ. Эти поминки называются семиками (*сить шны иртересь*) [49]). Сверхъ того, семейство умершаго поминаетъ его въ четвертокъ каждой недѣли, продолжая это до большихъ поминокъ. Эти поминки называютъ они *саламъ иртересь* [50]). Во все теченіе онаго времени, они не должны бываютъ ни свистать, ни пѣть, ни бить въ ладоши. Если случится Чувашенину увидѣть во снѣ, что умершій проситъ отъ него себѣ на племя въ царство мертвыхъ разнаго скота и птицъ, особливо, если такой сонъ случится въ другорядь, и умершій, явясь въ грозномъ и претящемъ видѣ, будетъ упрекать его, что изъ даннаго ему скота, который, въ теченіе 5 или 10 лѣтъ, у него размножился, онъ жалѣетъ дать ему такой-то скотины, почему, за неисполненіе повелѣннаго, возьметъ-де онъ его къ себѣ и ниспуститъ змѣй и каменья,—Чувашенинъ, вскоча съ постели, немедленно колетъ скотину, просимую умершимъ, навариваетъ пива, приготовляетъ хлѣбеннаго, нанимаетъ музыкантовъ и все сіе вывозитъ и ставитъ на могилу. Хозяинъ и все его семейство, окруживъ могилу и упавъ на землю, воютъ и, называя умершаго по имени, просятъ, чтобы онъ, принявши отъ нихъ представленную ему жертву, лежалъ въ могилѣ смирно [51]) и не ходилъ къ

[48]) Сколько намъ извѣстно, чуваши вѣрятъ, что покойники живутъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ погребены, а не на небѣ.

[49]) Сиччешне ирттерме проводить, справить седьмой день.

[50]) Салам ирттерме—справить, послать поклонъ.

[51]) Точнѣе сказать: жилъ, а не лежалъ. Авторъ видимо вездѣ навязываетъ чувашамъ воззрѣнія, присущія ему самому.

нимъ стращать ихъ и мучить. Послѣ сего вдругъ начинаетъ играть музыка. Чуваши вскакиваютъ, бьютъ въ ладоши и начинаютъ плясать, свистать и пѣть пѣсни. Потомъ, хлѣбное и мясо бросаютъ собакамъ, кои дерутся и визжатъ, а Чуваши пособляютъ имъ въ крикѣ во всѣ голоса. Напослѣдокъ, Чуваши, наѣвшись приготовленной пищи и напившись до-пьяна, остальное бросаютъ и выливаютъ въ небольшую яму, вырытую на могилѣ.

По наступленіи дня большихъ поминокъ, то есть, Ноября въ послѣднихъ числахъ, старшая изъ семейства откладываетъ половину изъ приготовленнаго пива и заколотой скотины, завѣщанной на сіе самимъ умершимъ предъ кончиною, для домашняго поминовенія, а остальное складываетъ въ кадку и, взявши съ собою домашнихъ и родственниковъ и нанятыхъ музыкантовъ, отвозитъ все къ рѣчкѣ. Тамъ дѣлаютъ на одной ножкѣ скамейку для умершаго, раскладываютъ огонь и потомъ ѣдятъ. При семъ старшая изъ семейства бросаетъ куски собакамъ и, со слезами, говоритъ, что она подчуетъ этимъ самого умершаго (*). По окончаніи ужина, старуха даритъ, сверхъ условленной платы, своихъ музыкантовъ: тому изъ нихъ, который играетъ на гусляхъ или волынкѣ, она кладетъ деньги въ зубы; а скрипачу или гудочнику—въ гудокъ, и еще даетъ ему же на струну шелку. Послѣ сего, музыка начинаетъ играть. Въ это время старуха, оборотясь на полночь, подходитъ къ огню, кланяется ему и, смотря все на полночную сторону, бьетъ въ ладоши и пляшетъ, а потомъ и всѣ, тамъ случившіеся, пускаются, вслѣдъ за старухой, и кто изъ нихъ не можетъ, за старостію или болѣзнію, стоятъ на ногахъ, тотъ пляшетъ опираясь на другихъ; при чемъ каждый изъ нихъ даритъ чѣмъ нибудь, по возможности, музыкантовъ. Поѣвши же привезенную пищу и выпивъ пиво, а остальное, чего не могли съѣсть или выпить, отдавши собакамъ и выливъ на землю, возвращаются домой.

Возвратясь оттуда, старуха сказываетъ сошедшимся родственникамъ, что умершій приказалъ имъ жить; за что они подносятъ ей по ковшу пива, благодаря за добрую вѣсть. Тогда начинаетъ играть музыка. Старуха, выпивъ пиво и поклонясь лежащему на столѣ и обставленному свѣчками пирогу, первая бьетъ въ ладоши и пускается плясать; по окончаніи же пляски, кланяется пирогу вто-

*) Чуваши думаютъ, что въ то время, какъ они бываютъ у рѣчки, умершій ихъ, сидя на скамейкѣ, собесѣдуетъ съ ними.

рично. Потомъ, съ такимъ же обрядомъ, пляшутъ всѣ домашніе и гости. Черезъ нѣсколько времени, женщины выносятъ изъ избы двѣ кадки съ блинами, ставятъ оныя среди двора и, оборотясь на полночь, кланяются и воютъ; послѣ чего люди и собаки начинаютъ выхватывать изъ кадокъ блины и ѣсть [52]). По возвращеніи со двора, всѣ садятся за столъ и принимаются за ѣду, а между тѣмъ откладываютъ куски кушанья въ особую чашку и отливаютъ, понемногу, пиво въ ведро. По окончаніи ужина, выносятъ эти куски и пиво на дворъ, отдаютъ собакамъ, и опять воютъ, какъ уже было сказано. Возвратясь въ избу, ставятъ восковыя свѣчи на верхнее окно и печной брусъ. Во всю ночь, какъ домашніе, такъ и гости, пьютъ и пляшутъ; ибо спать въ эту ночь они почитаютъ за грѣхъ. Если же, напослѣдокъ, они будутъ не въ силахъ съѣсть и выпить всего приготовленнаго, то до восхожденія солнца, отдаютъ все оное собакамъ, а которые изъ Чувашъ побогаче, тѣ пьютъ и по цѣлой недѣлѣ [53]); они говорятъ, что въ эти дни умершіе приходятъ къ нимъ и невидимо съ ними веселятся. По прошествіи недѣли, сіи Чуваши выносятъ изъ своихъ домовъ на околицу (*), къ воротамъ деревни, пиво дѣлая видъ, будто бы они провожаютъ своихъ умершихъ обратно въ могилы и тамъ, у воротъ, при играніи музыки, они пьютъ и пляшутъ, свищутъ и бьютъ въ ладши. Въ эти поминки поминаютъ также и давно умершихъ, какъ на могилахъ, такъ и въ домахъ [54]).

Въ семикъ, ближніе родственники, собравшись въ домъ ново-умершей, запрягаютъ въ телѣгу ту лошадь, которую покойница велѣла заколоть въ свое поминовеніе. Потомъ обнимаютъ эту лошадь за шею и плачутъ надъ нею. Надѣваютъ на эту лошадь узду съ длиннымъ поводомъ, шлею, подпруги, черезсѣдѣльникъ и возжи, все сдѣланное изъ узкой холстины. Это послѣднее употребляется только

[52]) Крайне сомнительно, чтобы авторъ видѣлъ въ дѣйствительности то, что говоритъ здѣсь про собакъ.

[53]) Для чего же бѣдняки-то не съѣденное до восхожденія солнца отдаютъ собакамъ?

*) Околицею называютъ мѣсто, оставленное близъ деревни, на выгонъ мелкаго скота и дворовыхъ птицъ, гдѣ они находятъ себѣ кормъ въ продолженіе лѣта.

[54]) Все это бываетъ при поминкахъ и у бѣдняковъ. Собаки начинаютъ подбирать кусочки, предназначенные покойникамъ, по уходѣ поминавшихъ; во время же поминокъ, сколько намъ извѣстно, онѣ чувашами изъ избъ выгоняются, еслибъ имъ и удалось ворваться, въ видахъ урвать плохо лежащіе куски хлѣба. Особую роль собакамъ при поминкахъ авторъ придалъ, кажется, подъ вліяніемъ омерзенія къ языческимъ обрядамъ Чувашъ.

при поминовеніи женщины, въ знакъ того, что она была хорошею пряхою; когда же поминается мужчина, то надѣваютъ на лошадь только одинъ простой хомутъ. Семейство и сродники, пріѣхавши на могилу, плачутъ надъ умершимъ утираясь тѣми, сдѣланными изъ холстины, поводомъ и возжами. По возвращеніи въ домъ умершей, зарѣзываютъ лошадь, безъ всякой церемоніи, кромѣ того, что исполняетъ это дѣло кто нибудь посторонній, ибо Чуваши не колютъ сами тѣхъ скотинъ, коихъ они употребляютъ для поминокъ или приносятъ въ жертву, за сіе дѣло онъ беретъ себѣ кожу всякой, убитой имъ скотины, кромѣ однихъ лошадей, приносимыхъ въ жертву. Заколотую лошадь, сваривъ, ѣдятъ и пьютъ пиво, поминая, вышеписаннымъ образомъ, только безъ музыки. Родственники и знакомцы, кои съѣзжаются въ домъ умершаго, привозятъ съ собою также и свое пиво; только прежде пьютъ хозяйское, а потомъ свое. Послѣ полудня, какъ молодые, такъ и старые обоего пола люди выходятъ на могилы и плачутъ по новоумершей; а поминая своихъ прежде умершихъ родственниковъ, бьютъ въ ладоши и пляшутъ, при играніи музыки. Берутъ оба пива, приготовленныя для поминовенія особо ново- и прежде-умершихъ, и выливаютъ на могилу каждаго по ковшу его пива, приговаривая: *ись* [55]) *(что значитъ: выпей)* Потомъ пьютъ сами и ѣдятъ разныя хлѣбныя и мясныя кушанья, съ собою туда принесенныя; напившись же, льютъ, по временамъ, напитокъ и на могилу, что продолжаютъ до наступленія вечера, и тогда расходятся по домамъ.

Въ день малыхъ поминокъ, то есть, въ четвертокъ Страстной недѣли и въ Свѣтлое Воскресенье, хозяинъ прилѣпляетъ въ своей избѣ, начиная отъ дверей, по всей стѣнѣ, на востокъ сдѣланной, за каждаго изъ умершихъ родственниковъ, по восковой свѣчкѣ. Противъ окна, онъ ставитъ на лавку большую чашу и ведро, а передъ ними столъ, за который онъ садится на приготовленную нарочно постелю. Старикъ ставитъ предъ нею разныя хлѣбныя и мясныя кушанья и крашеныя яица. Онъ, отщипывая отъ кушаньевъ по частичкѣ за каждаго изъ своихъ умершихъ родственниковъ, бросаетъ ихъ въ чашу и, при каждой, брошенной частичкѣ, поминая умершихъ, приговариваетъ: *„анняня тибя батыръ, анняня тибя батыръ“* [56]), то есть,

[55]) Есь—пей, отъ есьме—пить.

[56]) Фраза искажена до невозможности возстановить ее. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ въ этомъ случаѣ говорятъ: атте умепче пултар; анне умепче пултар и т. д., что значитъ: передъ отцемъ да будетъ, передъ матерью да будетъ.

что онъ даетъ ихъ отцу и матери. Равнымъ образомъ, и прочихъ поминая, повторяетъ то же при каждомъ умершемъ, и пьетъ пиво, отливая въ ведро за каждаго понѣсколько. Въ это время приходятъ къ нему родственники, приносятъ съ собою свои кушанья и пиво и ставятъ на передній столъ; потомъ каждый изъ нихъ, садясь за этотъ столъ поочереди, совершаетъ, по вышесказанному, обрядъ поминовенія. Если же который нибудь изъ нихъ полѣнится встать съ своего мѣста и итти за столъ, тотъ отдаетъ свое кушанье и пиво другимъ, чтобы они помянули и его родственниковъ. По совершеніи всего дѣйствія поминокъ, одна изъ домашнихъ замужнихъ женщинъ снимаетъ огарки свѣчъ со стѣны блиномъ и кладетъ ихъ въ ту же чашу; а потомъ, замужнія съ дѣвками выносятъ вонъ изъ избы, какъ тѣ куски съ огарками, такъ и отлитое пиво и, за заднею стѣною отдаютъ собакамъ, при чемъ, кланяясь на полночь, воютъ. Такимъ же образомъ совершается Чувашами обрядъ поминовенія своихъ родственниковъ, бывающій въ домахъ въ семикъ и въ послѣднихъ числахъ Ноября.

Чуваши слѣдуютъ идолопоклонству, почитая разныя божества, раздѣляемыя ими вообще на добрыя и злыя. Въ числѣ добрыхъ считается ими: 1-й *Сюлде Торъ* [57]), творецъ или богъ небесный; 2-й *Серде падиша* [58]), земной царь; 5-й *сютъ тюнзя* [59]), богъ свѣта; 6-й *кебе* [60]) *судбу*, богъ, имѣющій власть внутри земли и подъ землею; 7-й *чонъ сюрадан торъ* [61]), богъ,—датель душъ; 8-й *хвель* [62]), солнце; 9-й *хвель амыже* [63]) солнцева мать; 10-й *эдемъ торъ* [64]), богъ грома и молній; 11-й *ири торъ* [65]), богъ благодѣяній; 12-й *перегетъ-торъ* [66]), богъ изобилія; 13-й *перегетъ-амыже* [67]), мать его; 14-й *сюренъ-ирзамъ* [68]), богъ, странствующій по воздуху и который избавляетъ также утопающихъ въ водахъ; 15-й *серраше* [69]), отецъ земли; 16-й *серра-мыже* [70]), мать земли; 17-й *сюрадонъ торъ мыкъ* [71]), сѣверное сіяніе; 18-й *пюлюхсѣ* [72]), богъ, предписывающій земнородным ихъ участи; 19-й *пюлюхсѣ-амыже* [73]), мать его. 20-й *пигамъ-баръ* [74]) вѣтникъ судьбы; 21-й *сиргиже* [75]), богъ, оберегатель стадъ и паствы; 22-й *бертерли* [76]), богъ одноличный; 23-й *сюлранъ* [77]), воздушное явленіе, показывающееся въ видѣ змѣи, которое они называютъ воздушнымъ змѣемъ; 24-й *ію-торъ* [78]), богъ-спутникъ; 25-й *хилранъ-тора* [79]), домовой; 26-й *хардранъ-торъ* [80]), богъ дворового скота; 27-й *шивранъ торъ* [81]), водяной, называемый также *водышъ* [82]); 28-й *вурманъ торъ* [83]), лѣсной или лѣшій; 29-й *хирранъ торъ* [84]), полевой; 30-й *силъ* [85]), вѣтеръ; 31-й *синъ амыже* [86]), мать его.—Подъ именемъ же злыхъ они разумѣютъ духовъ, живущихъ въ лѣсахъ, по близости ихъ деревень и наносящихъ имъ разныя болѣзни и несчастія; они называютъ по своему этихъ духовъ: *керемет* [87]) или *ирзамъ* [88]): раздѣляютъ ихъ на главные (*ослы*) [89]) средніе (*вода серде*) [90]) и малые (*ксинъ*) [91]). Главные: 1-й *вылры ирзамъ* [92]), коего они почитаютъ отцемъ всѣхъ керемет и сказываютъ, что онъ имѣетъ двухъ сыновей, изъ коихъ одинъ называется *сивя зинзи ирзамъ* [93]), а другой *челна зинзи ирзамъ* [94]); 2-й *чемень* [95]). Средніе: 1-й *султонъ ирзамъ* [96]); 2-й *малимъ хозя* [97]), 3-й *миндюбя ирзамъ* [98]); 4-й *аскулъ варъ ирзамъ* [99]). Малые: 1-й *кинъ ирзамъ* [100]); 2-й *выдалы ирзамъ* [101]); 3-й *мундубя* [102]); 4-й *алды зинзя* [103]).—Кромѣ сихъ главныхъ, имѣются еще въ каждой чувашской деревнѣ свои собственные керемети, до пяти и до шести, коимъ имена даются, по большей части, по названіямъ ихъ рѣчекъ и деревень; всякой Чувашенинъ вѣруетъ въ 12 керемет своей и сосѣдственныхъ съ нею деревень. Во всякомъ моленномъ мѣстѣ или загородкѣ почитается ими кереметь, называемый *мамаля* [104]), коему

[57]) Сьулти Тура. [58]) Серти (сертри) Падша. Пропущены: 3) Пулехси. и 4) Пихаммар. [59]) Сьута тенче—свѣтлый міръ. [60]) Кепе—судьба; духъ управляющій судьбами человѣческаго рода. [61]) Чун сьуратан (сьуратакан) Тура [62]) Хёвел. [63]) Хёвел амаше. [64]) Етем Турри—Богъ надъ человѣкомъ. [65]) Ыра Турри [66]) Перекет Турри. [67]) Перекет амаше. [68]) Сьурен ырасем—странствующіе добрые. [69]) Сер ашше. [70]) Сер амаше. [71]) Ывал сьуратакан Тура—Богъ рождающій сыновей. [72]) Пулехси. [73]) Пулехси амаше. [74]) Пихаммар (пухаммар).

[75]) Сер йыше? Семейство земли. [76]) Пор торли (пер—одинъ, тере—узоръ—одноузорчатый) одновидный. [77]) Сьул сьурен? [78]) Ийе Тура. [79]) Килти Тура? [80]) Карта Турри. [81]) Шыври Тура. [82]) Шыв-вуташ. [83]) Вармавти Тура (арсьури—лѣшій). [84]) Хирти Туръ. [85]) Сыпи. [86]) Сыпи амаше.

[87]) Киремет. [88]) Ырасем—добрые. [89]) Асли (сем)—старшій (шіе. [90]) Вата сьирти (Ватаваххисем)—середній (середніе). [91]) Кесен (нисем)—младшій(—шіе). [92]) Выдри ырасем—выльскіе добрые. [93]) Сьве сьинчи ырасем—на р. Свіягѣ добрые. [94]) Челна сьинчи ырасем на р. Челнѣ? добрые. [95]) Чемен—собственное имя. [96]) Султонъ (?) ырасем. [97]) Малим (Мелим) хуся—магометанскій святой Малюмъ ходжа. См. „Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры.“ В. Магницкаго. Казань. 1881 г., стр. 68—77. Мелимъ хузя чествуется Чувашами, между прочимъ, Тетюшскаго и Свіяжскаго уѣздовъ. [98]) Ман тупе ырасем—большой холмъ (курганъ) добрые. [99]) Аска кул вар ырасем—большой озерный (съ озеромъ) оврагъ добрые. [100]) Кесен (нисем) ырасем—младшіе добрые. [101]) Ватала (ухнисем) ырасем—середніе добрые. [102]) Ман тупе—большой холмъ (курганъ). [103]) Атал сьинчи—волжскій (на Волгѣ находящійся).

[104]) Мамалле—калека, бѣднякъ, бобыль. См. Корневой чувашско-русскій словарь. Н. И. Золотницкаго. Казань. 1875 г. стр. 42.

они приносятъ въ жертву только деньги. Чуваши, живущіе при рѣкѣ Волгѣ, обожаютъ сію рѣку и, сверхъ обыкновеннаго на ихъ языкѣ названія рѣки *адалъ* [105]), называютъ ее *адалъ зинзя ирзамъ* [106]). Кромѣ сего, нѣкоторые изъ Чувашъ имѣютъ у себя домашнихъ идоловъ, называемыхъ *ирихами* [107]) *итярями* [108]). Они почитаютъ ириховъ такими духами, кои могутъ причинять, по просьбѣ своихъ хозяевъ, вредъ и болѣзни ихъ сосѣдямъ; любятъ обитать [109]) въ свинцовыхъ кружкахъ, въ средину коихъ продѣта крашеная, шерстяная нитка, съ привязанною на концѣ кисточкою рябиновыхъ ягодъ, которую они каждогодно мѣняютъ, по созрѣніи новыхъ ягодъ. Сей приборъ, ими обожаемый, обернувъ чистымъ полотномъ и берестою, они подвѣшиваютъ подъ потолокъ, прикрѣпляютъ къ нему разныя, оловянныя и свинцовыя бляшки и хранятъ въ чистотѣ. Ирихи бываютъ злые (*ханіяръ*) [110]) и смирные (*ывваш*) [111]). Именемъ *тюрижъ* [112]) называютъ они двѣ небольшія досчечки, съ изображенными на нихъ фигурами, подобными коровьей головѣ; они бываютъ у нихъ въ клѣтяхъ.

О Божествѣ и мірѣ имѣютъ Чуваши весьма темное и грубое понятіе. Благодѣтельныя божества, ими почитаемыя, обитаютъ, по ихъ мнѣнію, на небесахъ, въ воздухѣ, въ водѣ и въ средоточіи земли. По ихъ мнѣнію, божества, добрыя и злыя, суть существа ими обладающія, безсмертныя, премудрыя, невидимыя и непостижимыя. Впрочемъ они думаютъ, что Творецъ [113]) подаетъ имъ хлѣбородіе, пускаетъ дождь на ихъ поля и низпосылаетъ всякое счастіе.

Государю [114]) приписываютъ Чуваши свойства всѣхъ своихъ благодѣющихъ божествъ, какъ-то: нѣкоторыя свойства бога вышняго, бога свѣта, солнца, судьбы, бога благодѣяній, бога изобилія, бога предписателя участей,

[105]) Атал – Волга.
[106]) Атал сынчи ырасем – на Волгѣ находящіеся (волжскіе) добрые.
[107]) Йерех. Значеніе йерех – (йирих, йырых – по словарю г. Золотницкаго) до сихъ поръ достаточно не выяснено.
[108]) Тур – особые духи, значеніе коихъ также не выяснено. См. „О жертвенныхъ приношеніяхъ чувашъ. Н. И. Золотницкаго. „Каз. Губ. Вѣд.“ 1875 г., № 100. Издателями „Севѣрнаго Архива“ къ слову „тур“, видимо, въ началѣ приставленъ русскій соединительный союзъ: и, а въ концѣ – русское склоняемое окончаніе: ями.
[109]) Едва ли не правдивѣе: забавляться.
[110]) Хайар. [111]) Йаваш.
[112]) Тураш – икона. Если же фразу построить такъ: „именемъ же *тюри*...“, то слово: *тюри* будетъ равно исправленному нами: *тур*“.
[113]) Сьулти Тура. См. выше № 1.
[114]) Серти Патша. № 2.

бога покровителя утопающихъ и прочихъ. А потому и жертвы ему приносятъ они вмѣстѣ какъ съ богомъ вышнимъ, такъ и съ другими; въ молитвахъ же и приношеніяхъ призываютъ сперва бога вышняго, за нимъ Государя, а потомъ, по порядку, и прочихъ благодѣющихъ боговъ. Они думаютъ, что Государь былъ посланъ съ небесъ вышнимъ богомъ, для управленія земнородными; но имѣя съ ними всегдашнее пребываніе, сдѣлался божествомъ земныхъ и смертныхъ

Богъ свѣта, по мнѣнію Чувашъ, освѣщаетъ вселенную. Судьба [115]) или богъ, имѣющій власть внутри земли и подъ землею, обитаетъ на небесахъ и имѣетъ у себя двухъ вѣстниковъ или служителей; *пюлюхсѣ* [116]) и *пигъ-амбара* [117]). Первый бываетъ имъ посылаемъ на землю назначать рождаемымъ младенцамъ участи и записывать имена, даваемыя имъ юмсями по рожденіи; по исполненіи чего пюлюхсѣ возвращается на небо и доноситъ о томъ *кебѣ* или судьбѣ. Пигъ-амбара употребляется судьбою для охраненія скота отъ волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей, и для раздуванія огня по всему свѣту. Почему ни одинъ Чувашенинъ, начиная варить пиво, не подложитъ подъ котелъ огня, не призвавши сперва имени пигъ-амбара. Богъ датель душъ, даетъ, по повелѣнію бога вышняго, младенцу передъ рожденіемъ душу, которыя всѣ до рожденія хранятся въ особомъ мѣстѣ, на востокѣ.

Вѣтеръ [118]) пускаетъ, по просьбѣ Чувашъ, на ихъ поля благотворное вѣяніе. Одноличный богъ [119]) помогаетъ имъ въ трудахъ и рукодѣліяхъ; а пища, ими употребленная содѣлывается, помощію его, здоровою. Оберегатель стадъ и пастьвы [120]) живетъ на землѣ и въ средоточіи ея; сохраняетъ стада отъ припадковъ и нездоровой пищи и подаетъ имъ здоровье; сберегаетъ также всѣ сокровища, сокрытыя въ земныхъ нѣдрахъ, почему нерѣдко случается, что престарѣлый изъ чувашъ, примѣтя худое поведеніе и распутную жизнь своихъ дѣтей, и опасаясь, чтобы они не употребили денегъ, имъ пріобрѣтенныхъ, къ большему своему несчастію; боясь раздражить свои

[115]) См. выше, подъ № 6, *Кебе судбу*, по редакціи изд. „Севѣрнаго Архива“.
[116]) Пулехси. [117]) Пихампар. Эти два духа авторомъ или издателями „Севѣрнаго Архива“ выше пропущены; значиться же они должны были подъ №№ 3 и 4, каковыхъ нѣтъ.
[118]) Чувашское названіе вѣтра выше подъ № 30.
[119]) Перь торли, см. № 22 въ текстѣ и въ выноскѣ.
[120]) Пихампар.

благодѣющія божества, потерею денегъ, кои при помощи ихъ только великими своими трудами могъ пріобрѣсть и скопить; желая, чтобы дѣти его, наказываясь собственною лѣностію и нерадѣніемъ, могли исправить свои пороки и, подражая ему, постарались о снисканіи богатства; и также чувствуя свою слабость и приближеніе смерти,—онъ, поблагодаря благодѣющихъ боговъ за ихъ покровительство ему въ теченіе жизни, и не сказывая никому, тайно зарываетъ свои деньги въ землю; этимъ, по мнѣнію его, онъ возвращаетъ сей металлъ отцу и матери земли и препоручаетъ его оберегателю сокровищъ, сокрытыхъ въ земныхъ нѣдрахъ, въ сохраненіе.—Водышъ [121])—пребываетъ въ водахъ и дѣлаетъ ихъ здоровыми къ употребленію.—Богъ благодѣяній [122]) живетъ на небесахъ и подаетъ Чувашамъ, по ихъ желанію, благополучные браки.—Богъ странствующій по воздуху [123])—поспѣшаетъ къ спасенію всѣхъ тѣхъ, кои, утопая въ водѣ, призываютъ его на помощь; онъ же покровительствуетъ и плавающихъ по водамъ. *Сюлранъ* [124]) или летучій змѣй,—живетъ въ воздухѣ и подаетъ дѣтородіе; почему, увидя его, просятъ о дѣтяхъ.—Солнце [125])—производитъ времена года и способствуетъ созрѣванію плодовъ и жатвы. Когда случается сѣверное сіяніе и, увеличиваясь, освѣщаетъ небо, то Чуваши говорятъ: *кваҳъ хопи озалать* [126]), то есть, что отверзаются врата освѣщенной тверди небесной. Видѣть оное явленіе они считаютъ за особое счастіе, ибо вѣрятъ, что въ это время всякая ихъ молитва и прошеніе доходятъ до бога удобнѣйшимъ образомъ: почему, падая на землю, въ семъ случаѣ, они просятъ наиболѣе о размноженіи пчелъ. Дѣйствія прочихъ благодѣтельныхъ боговъ можно понять изъ значенія именъ ихъ; но пребываніе свое они всѣ, кромѣ вышесказанныхъ и бога изобилія, имѣютъ на землѣ [127]).

[121]) См. выше № 27.
[122]) Ыра турри, см. № 11.
[123]) Сьурен ырасем. см. № 14.
[124]) Сьул сьурен? Сьлен—змѣй? См. № 23.
[125]) См. № 8.
[126]) Кавак хуппи усьалат.

[127]) Очень жаль, что авторъ уклонился отъ описанія въ отдѣльности каждаго изъ перечисленныхъ имъ божествъ. Особенно любопытно-бы знать его свѣдѣнія объ „*іюторъ*“ (№ 24), а по нашему просто *йие*. Въ Сотниковскомъ приходѣ, Чебоксарскаго уѣзда, словомъ „*йие*“ чуваши называютъ духовъ, живущихъ въ баняхъ подъ полкомъ. Видятъ ихъ Чуваши въ образѣ маленькихъ человѣчковъ, съ длинными волосами на головѣ и разсказываютъ объ ихъ проказахъ множество анекдотовъ. Такъ, если въ истопленной банѣ оставить вѣникъ, то духи йие, по уходѣ людей, тотъ часъ взбираются на полокъ и начинаютъ, въ драку, париться. Начинаютъ онѣ цѣпляться за вѣникъ и въ томъ случаѣ, когда парящійся остался въ банѣ одинъ. По этому чуваши мыться въ баняхъ въ одиночку боятся. Божествомъ (тора, тура) йие не считаются.

Чуваши думаютъ, что ихъ злыя божества или керемети живутъ на землѣ въ лѣсахъ. Главный изъ нихъ *Вылры ирзамъ* [128]), по мнѣнію Чувашъ, не имѣютъ начала и старше всѣхъ прочихъ. Пребываніе свое имѣетъ Цивильской округи, близъ деревни Выли [129]), въ лѣсу, при озерѣ, кои посвящены ему Чувашами. Тамъ, внутри загородки, сдѣланы три жертвенника, для приношенія ему жертвъ, и три зданія—для пріуготовленія оныхъ; вообще, тамъ надѣлано всѣхъ требищъ болѣе обыкновеннаго; загородка обставлена множествомъ пчелиныхъ ульевъ, изъ коихъ вынимая медъ, жрецъ дѣлаетъ изъ него напитокъ и приноситъ въ жертву сему кереметю. Изъ двухъ его сыновей, одинъ *сивя зинзи ирзамъ* [130]), живетъ на рѣкѣ Свіягѣ; а другой, *челна зинзи ирзамъ* [131]), на рѣкѣ Чилнѣ. Послѣднему дѣлаются молодыми людьми, отданными въ рекруты, разныя обѣщанія, чтобы онъ помогъ имъ благополучно окончить службу и возвратиться на родину.

Чеменъ (*), по сказанію Чувашъ, былъ житель деревни Юхмы, въ Буинской округѣ, и почитался отъ народа юмсей. При смерти, онъ завѣщалъ своимъ родственникамъ, чтобы они по кончинѣ его не хоронили на общемъ кладбищѣ, а положили на полѣ на особомъ мѣстѣ, имъ отъ него указанномъ; и что онъ будетъ у нихъ ирзамомъ [132]). Родственники исполнили его завѣщаніе. Чуваши же, по суевѣрію своему, включа его по смерти въ число злыхъ боговъ, считаютъ его изъ всѣхъ самымъ злѣйшимъ; такъ, что, по мнѣнію ихъ, за самое малѣйшее неисправленіе жертвы, даже такой, которая тягостна небогатому чело-

[128]) См. № 1 въ числѣ главныхъ кереметей.
[129]) Деревня Выла имѣется въ Курмышскомъ уѣздѣ и въ Шумшевашскомъ приходѣ, Ядринскаго уѣзда; въ послѣднемъ она состоитъ изъ трехъ околодковъ: 1) Мунъ Вылъ (Большая Выла), 2) Пазаръ ошкынъ, иначе Выла базаръ, и 3) Серда кассы. Протекающая близъ нихъ рѣка Выла впадаетъ справа въ р. Суру.
[130]) Севе сьинчи ырасем. Въ Свіяжскомъ уѣздѣ некрещеные чуваши, живущіе въ дер. Мало-Русаковой (Имель пусь,) въ числѣ кереметей чтутъ: 1) Свіяра вырдаганъ ыра—въ Свіяжскѣ почивающій добрый и 2) Хузанда вырдаганъ ыра—въ Казани почивающій добрый. Мы пытались справиться ихъ, кто именно эти чтимые ими добрые; но, оказалось, они и сами незнаютъ. Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать „доброту“ кереметей см. „Казанскіе Инородцы“. „Волжскій Вѣстникъ.“ 1884 г., № 180.
[131]) Челна, тат. Чаллы—Шумбутка, Лаишевскаго уѣзда, на которой былъ „*Чалымской городокъ*“ сожженный русскими въ 1556 г. Древ. города С. М. Шпилевскаго, стр. 416—421 и 537. Изв. Каз. Общ. Археол. т. III, стр. 277.
(*) Собственное имя чувашина.
[132]) Такія рѣчи—позднѣйшія измышленія.

вѣку, онъ производитъ корчу въ жилахъ и прочія неизлечимыя болѣзня. Почему приносятъ они ему въ жертву, только однихъ большихъ животныхъ; а замужнія женщины по аршину холста, который онѣ почитаютъ непремѣннымъ долгомъ—напрясть и выткать въ одни сутки. Ни одна невѣста, живущая близъ оной деревни, не смѣетъ выйти замужъ, не принеся Чемену жертвы; и даже такъ иногда случается, по извѣщенію юмсей, должна бываетъ заколоть вдругъ и принести ему въ жертву барановъ до двѣнадцати. Чуваши, поссорясь между собою, ходятъ въ кереметь Чемена и, принеся ему жертву, просятъ объ отмщеніи своимъ непріятелямъ: они вѣрятъ, что Чеменъ, услыша ихъ просьбу, наноситъ послѣднимъ нестерпимыя болѣзни [133]). Другіе, напротивъ, стараются удовлетворять Чемена великими жертвами, чтобы не умереть отъ злыхъ болѣзней; хотя бы и должны были разориться отъ тѣхъ жертвъ. Чуваши думаютъ о злыхъ своихъ божествахъ вообще, что они имѣютъ женъ и дѣтей; и когда, по размноженію жителей и умаленію пахатной земли, нѣкоторые люди выходятъ изъ деревень и селятся на новыхъ мѣстахъ, тогда, по ихъ мнѣнію, и сіи злые духи переходятъ съ ними и ѣздятъ оттуда каждую ночь въ великолѣпныхъ колесницахъ къ своимъ сродникамъ для свиданія.

О сотвореніи міра Чуваши почти ничего не знаютъ; нѣкоторые изъ ихъ престарѣлыхъ жрецовъ говорятъ о семъ: что будто бы вселенная и стихіи не сотворены ни кѣмъ, а суть вѣчно пребывающія и имъ непостижимы, и что тѣ вещества, которыя для нихъ благотворны, они привыкли обожать издавна. Они сказываютъ, что люди сотворены небеснымъ богомъ изъ земли и были сначала безобразны, имѣя только видъ человѣческій; но потомъ, видя это безобразіе, богъ далъ имъ души. Люди говорили сначала однимъ языкомъ, имѣли одинакое имущество и были всѣ равно богаты; а, какъ обыкновенно случается, богатство произвело въ людяхъ пышныя и надменныя мысли и заставило каждаго ихъ нихъ почитать себя выше другихъ, тогда же, въ короткое время, были изобрѣтены и пьяные напитки, пиво и медъ: люди, привыкши проводить большую часть времени въ пьянствѣ, сдѣлались сварливыми и завели между собою великія ссоры. Богъ, видя

[133]) Русскіе, къ сожалѣнію, продолжаютъ игнорировать этотъ способъ мести у Чувашъ и охотно вѣрятъ нелѣпой сплетнѣ, будто Чуваши изъ мести къ своему врагу вѣшаются у него на воротахъ. См. „Изъ быта Чувашъ. „Волжско-Камское Слово“. 1881 г., № 12.

такое неустройство, повелѣлъ одному изъ небесныхъ жителей или боговъ, называющемуся *кебе* [134]), опредѣлять раждающимся людямъ счастливую или несчастливую участь, по своему благоусмотрѣнію, и тѣмъ дѣлать между ими различіе; для того онъ далъ ему въ помощь двухъ служителей *тюлюхсъ* [135]) и *пигъ-амбара* [136]). А чтобы всѣ земнородные находились въ порядкѣ, то, для управленія ими, богъ послалъ имъ съ небесъ другое божество, назвавъ его *серде падыша* [137]), то есть, своимъ образомъ или земнымъ царемъ и произвелъ семьдесятъ семь языковъ.

Чуваши обожаютъ своихъ благодѣтельныхъ духовъ и приносятъ имъ жертвы, или отъ пламенной къ нимъ любви, или въ благодарность за полученныя благодѣянія, или, привыкши получать отъ нихъ всегда добро, просятъ о продолженіи онаго къ себѣ на будущее время; злымъ же духамъ они приносятъ жертвы, или прося объ отвращеніи нанесенныхъ имъ золъ и болѣзней, или боясь, чтобъ они впередъ не нанесли имъ оныхъ. Обряды жертвоприношенія первымъ совершаютъ Чуваши не въ кереметяхъ, но или на чистомъ мѣстѣ, или въ домахъ у себя; а вторымъ, посвящаютъ для сего лѣса [138]). Сначала дѣлаютъ въ лѣсу четыреугольныя деревянныя загородки, какъ бы квадратныя. Сіи загородки называютъ Чуваши также кереметями, означая каждую изъ нихъ именемъ того Кереметя (духа), которому она посвящена. Загородки бываютъ длиною, считая отъ запада къ востоку, отъ 40 до 60 саженъ; а въ ширину, отъ сѣвера къ югу, отъ 30 до 40 и 50 саженъ. Входъ въ загородку бываетъ отъ запада. Близъ входа къ правой сторонѣ, отступя отъ стѣнки внутрь загородки на сажень къ востоку, бываетъ сдѣлано нѣкоторое зданіе съ тремя только стѣнами, къ западу, сѣверу и югу,—и внутри съ лавками: въ немъ приготовляютъ и ѣдятъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву. Впереди этого шалаша, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, дѣлается жертвенникъ, подобный столу, длиною отъ сѣвера къ югу въ полторы сажени, а шириною отъ запада къ востоку въ полтора аршина; на немъ находятся четыре столба съ крышкою. На этотъ жертвенникъ ставятъ Чуваши приготовленное мясо животныхъ,

[134]) Кепе. [135]) Пулехси. [136]) Пихампар. [137]) Серти Патша.

[138]) По нашимъ изслѣдованіямъ, Чуваши приносятъ жертвы духамъ-кереметямъ или на самыхъ мѣстахъ жительства послѣднихъ или же оставляютъ на особыхъ урочищахъ, въ томъ и другомъ случаѣ—тайно и далеко не всегда въ лѣсахъ.

приносимыхъ въ жертву. Далѣе къ востоку отъ жертвенника, въ загородкѣ и за нею, находится лѣсъ, посвященный Кереметю. На деревьяхъ, внутри загородки, они вѣшаютъ кожи, снятыя съ лошадей, принесенныхъ въ жертву, оставляя при кожахъ гривы, хвосты и ноги по колѣни; кожи расправляютъ, обращая головами къ востоку. Подъ дерево ставится ящикъ; и когда у Чувашъ родится младенецъ, или выдаютъ замужъ дѣвку, тогда они кладутъ въ этотъ ящикъ деньги, въ честь Кереметю, называемому *мамаля* [139]). По обѣимъ сторонамъ жертвенника, вблизи его, сдѣланы отводины изъ шестовъ, положенныхъ на столбы; Чуваши думаютъ и вѣрятъ, что на жертвенникѣ, во время жертвоприношенія, присутствуетъ тотъ самый богъ, которому приносится жертва, а на отводинахъ его семейство. Далѣе, также по обѣимъ сторонамъ жертвенника, сдѣланы разныя требища, на коихъ снимаются кожи, вынимаются внутренности и разбирается на части мясо животныхъ, закалаемыхъ на жертву. Эти загородки, жертвенники, требища и прочія орудія, служащія къ жертвоприношенію, никогда не починиваются; а когда придутъ въ ветхость, тогда жрецъ, называемый на ихъ языкѣ *мачауръ* [140]), сожигаетъ ихъ и строитъ, по своему расположенію, новыя, подобныя прежнимъ [141]).

Жертвоприношенія, совершаемыя Чувашами богу вышнему или небесному, бываютъ двоякія: одни въ полѣ предъ собраніемъ народа, другія дома. Жертвоприношенія сіи происходятъ въ разныя времена года. Изъ нихъ тѣ, кои бываютъ весною и въ началѣ лѣта, предъ яровою и паровою пашнями, происходятъ съ нижеслѣдующими обрядами. На мѣсто жертвоприношенія, учреждаемое обыкновенно внѣ кереметя, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, приводятъ бѣлую лошадь. Потомъ, по собраніи обоего пола Чувашъ взрослыхъ и дѣтей, начинается музыка: въ это время, по распоряженію жреца, одѣтаго въ бѣлую, одежду, чередные исполнители закалываютъ оную лошадь, вынимаютъ изъ нее внутренность, разбираютъ на части и

[139]) Мамалле.
[140]) Мачауръ?
[141]) Намъ думается, наоборотъ, что на огороженныхъ урочищахъ Чуваши совершали публичныя общественныя жертвоприношенія въ честь верховнаго бога и его служителей. Русскіе дѣйствительно называютъ всѣ мѣста, на которыхъ Чуваши приносятъ жертвы, безразлично словомъ: „*киреметь*“; но Чуваши различаютъ: „*чук йывыс* – молельная роща, садъ; *чук сирми* – молельный оврагъ и т. д. Крайне сомнѣваемся, чтобы мѣста жительства киреметей духовъ въ старину огораживались.

варятъ. Народъ восклицаетъ громогласно: *сирлахъ* [142]), и всѣ, старики близь самой приносимой жертвы, а замужпія и *обоего пола молодые люди въ нѣкоторомъ отдаленіи, прыгаютъ подъ тактъ музыкѣ* [143]). По приготовленіи жертвеннаго и по разстановленіи блюдъ въ два ряда, жрецъ, проходя между ими, считаетъ блюды; потомъ, приказавъ изрѣзать изготовленное на части, самъ кладетъ изъ нихъ по одной на каждое блюдо и наливаетъ по ковшику отвару; послѣ сего отпускаетъ блюды по домамъ. Народъ же, раздѣляясь на кучки, садится; причемъ *молодые люди обоего пола цѣлуются сквозь кончики, сплетенные изъ мелкихъ лычекъ* [144]). Напослѣдокъ ѣдятъ остатки жертвеннаго; кости же и нѣкоторыя части мяса кладутъ на огонь и заваливаютъ сверху дровами. Когда при семъ случится вѣтеръ и понесетъ на Чувашъ дымъ, тогда они вмѣняютъ это себѣ особеннымъ благоволеніемъ небесъ: Чуваши вѣрятъ, что будто бы они видятъ въ это время сквозь дымъ какое-то чудесное явленіе въ видѣ исполина, одѣтаго въ бѣлыя одежды и украшеннаго сѣдинами; ноги его находятся на землѣ, голова касается до небесъ.

Третье жертвоприношеніе бываетъ въ первыхъ числахъ Ноября. Тѣ изъ Чувашъ, кои поименитѣе, желая изъявить чувства своей благодарности за урожай хлѣба, посвящаютъ въ жертву вышнему богу и Государю лучшій хлѣбъ и пиво, приготовленныя изъ новосозрѣвшихъ зеренъ. Когда сберутся гости, тогда хозяинъ съ своими домашними, родственниками и прочими гостями, отворивъ двери, обращается на востокъ къ симъ своимъ благодѣтельнымъ божествамъ, и, падая на землю, дѣлаетъ со всѣми имъ поклоненіе. Потомъ, хозяинъ, держа въ рукахъ чирясъ съ пивомъ, говоритъ на своемъ языкѣ съ благоговѣніемъ слѣдующую молитву: „*Сюлде торъ серде падша сирлахъ ажа газяръ подъывылъ херембеле поръ мумумбола хорондашъ рубола сине тыръ бола хоронла пудоба печкелъ срабола чонамбола савза чюкту вадыш тоза чонъ посья батылъ таву тувадыбъ сирлахъ асмы сюде торъ серде падша хоракалыкна сывлакна ырлыка батыръ пире порокмашкинъ батыръ перегезетня бадъ иксильми дивлетня батыръ*“. То есть: „Божество, царствующее на небесахъ! и ты, владѣющее на землѣ! помилуйте и спасите насъ! Се! съ сынами, съ дочерьми, со всѣми домашними

[142]) Помилуй!
[143]) и [144]) Все это не имѣетъ никакого отношенія къ жертвоприношенію. Такъ точно ведетъ себя молодежь во время жертвоприношеній и у Черемисъ. См. „Четыре дня у Черемисъ во время Сюрэма“. С. К. Кузьменова. Спб. 1879 г., стр. 18.

и родственниками моими, приношу вамъ въ даръ и въ жертву это питіе и снѣдь, приготовленныя изъ новосозрѣвшаго хлѣба, и съ ними вмѣстѣ сердца наши, горящія усердіемъ и благодарностію. И падая предъ величествомъ вашимъ, молимъ васъ, небесный боже и земной царь! подайте бѣдному св ему народу тишину, миръ и изобиліе! и да не оскудѣютъ сосуды, наполненные питіемъ и пищею!". [145]) По окончаніи молитвы и прошенія, каждый изъ оныхъ Чувашъ наливаетъ большой стаканъ пива, встаетъ на ноги, обращается къ востоку и при отворенномъ окнѣ говоритъ, сперва: *аслы ташлама* (за высочайшее здравіе); [145]) потомъ; *сюлде торъ* [146]) *серде падша* [147]) (небесное божество и образъ его--владыка земли); послѣ сего выпиваетъ весь стаканъ. Когда всѣ окончатъ этотъ обрядъ, тогда остатки изъ посвященной въ жертву бочки употребляются уже ими просто. Послѣ обряда, первый садится за столъ *Крюгаси* [148]), а за нимъ и прочіе. За столомъ Крюгаси наливаетъ, а подаютъ гостямъ другіе, кого онъ заставитъ.

Четвертое жертвоприношеніе богу вышнему бываетъ въ послѣднихъ числахъ Декабря. Тогда хозяинъ дома, посвятившій въ жертву гнѣдаго жеребенка, рожденнаго отъ пѣгой кобылы, собравшись съ своимъ семействомъ и родственниками, обмываютъ всего онаго жеребенка и его копыта чистою водою; что продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока жеребенокъ отряхнется: они считаютъ это знакомъ, что ихъ молитва будетъ пріятна. Потомъ, связавъ жеребенка, закалываютъ. Если же, не смотря на всѣ ихъ старанія и долговременное мытье, жеребенокъ не отряхивается, то, сказавши, что богъ его не любитъ, они отпихиваютъ его отъ себя ногою, вяжутъ на веревку и, притаща къ котлу, зарѣзываютъ; ибо почитаютъ смерть

[144]) Сьулти Тура, серти патша, сьырлах, аша казяр! Пур ывалам, херемпеле, пур мулампала, хуранташ, арупала сене тырапала, хуранти патапала, пичькем сарапала, чупампала савса чук таватап; таса чун пусьсьапатап, тав т аватап; сьырлах асла, сьулти Тура, серти Патша! Хура халахне сывдахне, ырлахне патар; пире пуранмалахне патар, перекетне патар, икселми тивлетне патар.—Т. е. Боже небесный, царь земной, помилуй, прости! Со всѣми сыновьями, дочерьми, со всѣмъ добромъ, родственниками, родомъ, возлюбя душой, моленье совершаю: новымъ хлѣбомъ, кашею, которая въ котлѣ, и бочкой пива; чистой душой кланяюсь и благодарю; помилуй великій небесный Боже, царь земной! Своему черному народу (черни) да дастъ здоровье и благо; намъ да дастъ жизнь, да дастъ изобиліе и да дастъ неоскудную милость (благодать)!

[145]) Асла ташлами--богъ большой пляски (веселья).

[146]) Сьулти тура—вышній Боже.

[147]) Серти Патша—Царь земной.

[148]) Керекесь.

отъ зарѣзанія безчестною. Потомъ жеребенка варятъ и, собирая всплывающее сало, мажутъ себѣ и всѣмъ приходящимъ лице и руки; причемъ они возсылаютъ вышнему свои молитвы. Подобнымъ же образомъ омываютъ [149]) предъ жертвоприношеніемъ всякій скотъ, какъ большой, такъ и малый и пернатыхъ, жертвуемой въ домахъ.

Богу грома и молніи, одноличному, дателю душъ, судьбѣ, спутнику, отцу и матери земли, предписателю участей, богу изобилія и прочимъ благотворнымъ божествамъ, Чуваши посвящаютъ въ жертву *саламату* [150]) съ масломъ и маленькія прѣсныя лепешки. Богатые изъ Чувашъ приносятъ сверхъ того каждому изъ нихъ обще съ Государемъ по бочкѣ пива; бѣдные же всѣмъ одно (?) и кашу; только первое ведро Государю посвящаютъ съ вышеписанными обрядами.

Солнцевой матери жертвоприношенія бываютъ двоякія: одни происходятъ такъ, какъ выше было сказано, пивомъ и кашею; а другія нижеслѣдующимъ образомъ. Въ первый день пасхи, Чувашенинъ, вставъ на зарѣ, разводитъ предъ дверьми своего дома огонь и стережетъ восхожденіе солнца. При первомъ блескѣ его лучей, онъ кладеніе солнца. При первомъ блескѣ его лучей, онъ кладетъ на огонь разныя хлѣбныя кушанья и яица и, кланяясь огню, поминаетъ своихъ умершихъ родственниковъ.— Богу благодѣянія Чуваши приносятъ въ жертву пиво, а иногда гнѣдаго жеребца. Они чтятъ въ образѣ сего жеребца самого того бога; почему моютъ его чистою водою и, падая предъ нимъ на землю, молятъ, говоря: *алыхъ батня крю баръ тюбяла кинъ баръ сахъ тала ача баръ,* [151]), то есть даруй намъ сноху противъ печи, зятя у дверей и дѣтей на саганѣ *). Потомъ закалываютъ жеребенка и жертвуютъ имъ богу благодѣянія. Колютъ же его или на дворѣ, или на полѣ: лѣвый бокъ оставляютъ въ прокъ, и послѣ, начинивая имъ бараньи кишки, дѣлаютъ изъ того *ширшанъ* [152]); правый бокъ, сваривъ, посвящаютъ въ жертву; внутренность же и кости жрецъ сожигаетъ въ огнѣ.

[149]) Не омываютъ, а спрыскиваютъ, или просто поливаютъ водой.

[150]) Саламат—названіе кушанья.

[151]) Алак патне керу пар, тепеле кин пар, сак тулли ача пар.—Къ двери зятя дай; въ тюбель (мѣсто противъ печи) невѣстку дай; лавку полну дѣтей дай!

*) Саганомъ, или полатями, называются подмостки, похожіе на большой ящикъ, сдѣланные въ избахъ на полу, вышиною отъ него на аршинъ, а отъ стѣны шириною въ два съ половиною аршина, и покрытые поперегъ досками. Одни служатъ у чувашъ вмѣсто лавокъ и кроватей.

[152]) Шарттан--названіе кушанья.

Жертвоприношенія кереметямъ бываютъ также двоякія: одни въ загородкѣ предъ немалымъ количествомъ народа [153]); другія въ домахъ отъ одного только хозяина съ его семействомъ. Въ первыхъ, жрецъ, одѣтый въ бѣлую одежду **), ставитъ на жертвенникъ мясо животныхъ, приносимыхъ въ жертву, становится предъ жертвенникомъ и, обратясь лицомъ къ востоку, вмѣстѣ съ народомъ, позади его стоящимъ, возсылаетъ молитвы и проситъ объ освобожденіи отъ бѣдъ и болѣзней. Другія совершаются дома, однимъ только хозяиномъ, съ его семействомъ, и происходятъ слѣдующимъ образомъ: хозяинъ выходитъ изъ избы и, оборачиваясь въ сторону каждаго кереметя, гдѣ который изъ нихъ выстроенъ, кланяется, укусываетъ одну изъ двѣнадцати, по числу кереметей, прѣсныхъ лепешечекъ, приготовленныхъ съ жареною малиною и кладетъ каждую лепешечку за пазуху; по совершеніи же сего жертвоприношенія и своихъ молитвъ кереметямъ, остатки жертвеннаго хозяинъ вноситъ въ избу и ѣстъ ихъ, вмѣстѣ съ семействомъ и родственниками. Иногда бываетъ, что, по обѣщанію, одинъ человѣкъ, съ своею только семьею, приходя просить кереметя о избавленіи себя отъ какого нибудь несчастія или болѣзни, приноситъ ему въ жертву лошадей, коровъ и другую крупную скотину. Въ семъ случаѣ жрецъ не употребляется; а самъ молельщикъ закалываетъ жертву, варитъ ее въ котлѣ и, ставши на колѣни, не передъ жертвенникомъ, а передъ священнымъ лѣсомъ, черпаетъ отваръ и плещетъ на сучья деревьевъ, говоря: *кереметъ сирлахъ;* [154]) потомъ отрѣзываетъ мясо, втыкаетъ въ него ножъ и, поднимая кверху предъ деревьями, повторяетъ свою молитву разъ до двѣнадцати и болѣе. Напослѣдокъ свареное ѣдятъ; къ чему приглашаютъ иногда и родственниковъ своихъ. Нѣкоторыя же части жертвы въ семъ случаѣ, подобно какъ и въ прочихъ жертвоприношеніяхъ, бывающихъ въ загородкахъ и на полѣ, сожигаютъ въ огнѣ. Прочіе остатки, чего съѣсть будутъ не въ состояніи, отвозятъ домой и дѣлаютъ изъ нихъ *ширшанъ*. Таковыя жертвоприношенія, дѣлаемыя по обѣщаніямъ или предсказаніямъ юмсей, бываютъ иногда для Чувашъ столь тягостны, что они лишаются отъ того

[153]) Одновременно и обще съ жертвоприношеніемъ Верховному Богу и его служителямъ—слѣдуетъ добавить

(**) Бѣлая одежда означаетъ непорочную и добродѣтельную жизнь жреца, ибо онъ не употребляетъ безъ мѣры пищу и питье, какъ простые Чуваши; имѣетъ только одну жену, а простые Чуваши имѣютъ до три, по четыре.

[154]) Киремет, сьырлах!—Кереметь помилуй!.

послѣдней пищи, домовъ и идутъ въ вѣчное рабство. Находясь въ такомъ горестномъ состояніи и не избавляясь отъ болѣзней или несчастія, они ропщутъ на свою вѣру, на изобрѣтателей своихъ преданій и на кереметя; говорятъ, что сіи послѣднія суть не иное что, какъ злые духи, влекущіе ихъ въ заблужденіе и несчастіе, поглощающіе ихъ скотъ, пажить и имѣніе, и вводящіе ихъ самихъ въ погибель. *Ирихамъ* [155]) и *тюрямъ* [156]) Чуваши приносятъ въ жертву бѣлыхъ утокъ, *саламату* съ масломъ и небольшія прѣсныя лепешки. Обрядъ жертвоприношенія имъ совершается въ домахъ.

Праздниками у Чувашъ почитаются въ тѣже самые дни, въ кои бываютъ жертвоприношенія [157]) и поминки по умершихъ. Изъ таковыхъ дней въ первый день нашей пасхи исправляютъ они празднество двояко: сперва утромъ поминаютъ умершихъ, какъ о семъ было сказано; а потомъ, вечеромъ, собравшись, берутъ въ руки длинные шесты и, ходя со двора на дворъ, бьютъ оными по избамъ, какъ будто бы кого выгоняли. За это въ каждомъ домѣ даютъ имъ яйца. Обойдя же всѣ дома, пускаются бѣжать, съ великимъ крикомъ и стремленіемъ, за околицу и садятся за оною на лугу, дѣлятъ между собою собранныя яйца, потомъ играютъ въ разныя веселыя игры и возвращаются, напослѣдокъ, по домамъ. Это празднество называютъ они *гоняньемъ шайтана*, то есть, нечистаго духа.

Они вѣрятъ будущей жизни и представляютъ состояніе человѣческое послѣ смерти двоякимъ образомъ. Во первыхъ, о тѣхъ, кои жили добродѣтельно, что они, по ихъ мнѣнію, черезъ нѣсколько времени послѣ кончины переселяются съ полуночныхъ небесныхъ странъ въ страну свѣта и изобилія *(сютъ малыхра болдыръ)* [158]); что въ этой странѣ они находятъ своихъ родственниковъ, скотъ и имѣніе въ гораздо лучшемъ состояніи, нежели въ какомъ они оставили ихъ на этомъ свѣтѣ; что они занимаются скотоводствомъ, разною торговлею и рукодѣліями и отъ того живутъ весьма богато. Во вторыхъ, о злыхъ, что они по смерти будутъ горѣть въ огнѣ *(тамыкра боле)* [159]).

Нравоученіе преподается у Чувашъ изустно и только отцами дѣтямъ. Они, научая ихъ жить добродѣтельно и

[155]) Иерех.
[156]) Тур.
[157]) Въ честь верховнаго Бога и его служителей.
[158]) Сьутмалахра пултар—въ раю (свѣтломъ мѣстѣ) да будетъ!.
[159]) Тамакра пуле—въ аду будетъ.

быть страннопріимными, помѣщаютъ въ разсказахъ своихъ кое-какія басни и нравственныя изрѣченія. Вотъ изъ нихъ нѣкоторыя: „Въ одно время, Кебе или судьба, желая узнать, какъ земнородные проводятъ время своей жизни, послалъ для того съ небесъ на землю Пигъ амбара. Принявши на себя видъ прохожаго, Пигъамбара пришелъ въ деревню къ богатому Чувашенину и сталъ у него просить убѣжища въ домѣ и ночлега; но Чувашенинъ, отказавъ ему съ суровостію, велѣлъ идти къ бѣдняку, живущему на концѣ деревни и ночевать у него въ непокрытой хижинѣ. Пигъамбара, возвратясь на небо, донесъ Кебе о всемъ, съ нимъ случившемся. Не увѣрясь въ истинѣ сказаннаго, Кебе послалъ на землю Пюлюгсѣ: но и этотъ возвѣстилъ ему тоже самое. Напослѣдокъ Кебе, не довѣряя имъ обоимъ, самъ сошелъ на землю и самъ испыталъ тоже самое, что слышалъ отъ Пигъамбара и Пюлюгсѣ. Между тѣмъ, во время пребыванія Кебе въ непокрытой хижинѣ бѣднаго, родился у сего Чувашенина сынъ, а у того богатаго—дочь. Пюлюгсѣ доложилъ Кебе о разрѣшеніи участей сихъ двухъ младенцевъ. Кебе приказалъ ему предписать новорожденному мальчику счастіе того богатаго, а дѣвочкѣ—вдовство и пребываніе за десятью мужьями. Богатый Чувашенинъ, узнавъ посредствомъ *юмсей*, что его счастіе должно будетъ перейти къ сыну бѣдняка, захотѣлъ истребить этого мальчика: однако же сколько о томъ ни старался,—не успѣлъ. Покровительствуемый Кебе, сынъ бѣдняка получилъ имѣніе богатаго и напослѣдокъ женился на его дочери, овдовѣвшей послѣ девятаго мужа“. *Вадта корзасынъ бичендса кала сямрыкна корзанъ шихлымся кала синна корза сынъ сюкру симя киртса кала*, [160]) то есть, стариковъ почитай, молодыхъ люби и всякому путешествующему дай въ своемъ домѣ убѣжище и пищу. *Сяпла капла анкалась синъ аврумна анчюпту*, [161]) то есть говори всегда правду и не желай жены твоего ближняго.

Чуваши почитаютъ весьма важною клятвою, увѣряя въ чемъ нибудь, перешагнуть черезъ голую лутошку: когда кого подозрѣваютъ въ кражѣ или другомъ какомъ важномъ злодѣяніи, то, чтобы очистить себя отъ подозрѣнія,

[160]) Ватта курсассан (ватанса?) кала (калар?); сьамрака курсан (шикленсе?) кала; сьынна курсассан сьакар сьиме куртсе кала (сьакур сьиме кеме кала?). Увидавши старца, стыдясь говори, увидавши молодаго, опасаясь говори; человѣка увидавши, хлѣба покушать зайти проси.

[161]) Сьапла—капла ан калась. Сынъ арамне ан чуп-ту.—И такъ и слякъ не говори! Чужую жену не цѣлуй!.

какъ бы присягою, онъ долженъ бываетъ, при собраніи народа, перешагнуть черезъ голую лутошку. Если по ссорамъ или другимъ какимъ причинамъ, Чувашамъ надобно бываетъ присягнуть въ судѣ, то, взоткнувъ на ножъ кусокъ хлѣба и посоливъ его, кладутъ имъ въ ротъ, а они при семъ говорятъ: „чтобы мнѣ никогда этого не видать у себя, если я лгу или не устою въ своемъ словѣ“. Рекрутамъ же, для присяги, даютъ хлѣбъ чрезъ тесаки, крестообразно сложенные.

Большая часть Чувашъ приняла съ 1723 года Греко-Россійское исповѣданіе; однако же и теперь Чувашъ, держащихся языческаго суевѣрія, находится болѣе, нежели Мордвы. Нынѣ, язычествующіе Чуваши кротки и преданы своимъ начальникамъ.